

Анна Эдуардовна Ермановская

100 знаменитых чудес света

Серия «100 знаменитых» основана в 2001 году

Автор и руководитель проекта
Дмитрий Таболкин

Художник-оформитель
О. Н. Иванова

Пещеры Стеркфонтейна — колыбель человечества

Мекка археологов — пещеры Стеркфонтейна, километрах в пятидесяти к северо-западу от Йоханнесбурга (провинция Гаутенг). Здесь учеными были найдены ископаемые останки самого древнего из всех известных звеньев в истории эволюции человека — африканского австралопитека. Возраст находки — примерно 2,3 миллиона лет.

Этот комплекс известняковых пещер занимает около пятисот квадратных километров. Пещеры круто уходят вниз, в темную глубину. Здесь тысячелетиями накапливались окаменелые кости доисторических животных. Открытия, сделанные в

этих пещерах, вырывают из тьмы веков таинственную картину появления человека на Земле. Каждый снимаемый слой породы — страница в книге истории.

Яростные споры о происхождении человека начались больше ста лет назад, когда Чарлз Дарвин, опубликовав свою теорию происхождения видов, разделил цивилизованный мир на два непримиримых лагеря. Последователей Дарвина презирали, считая их варварами и язычниками, потому что они верили, что человек произошел от обезьяноподобного предка. Некоторые и сейчас придерживаются этого мнения, хотя большинство уже примирилось с тем, что сходство человека и высшими приматами не может быть чисто случайным. При этом Дарвин не утверждал, что человек произошел от человекообразной обезьяны. Он говорил, что анатомическое сходство между людьми и крупными человекообразными обезьянами позволяет предположить, что у них был далекий общий предок. Именно этого прародителя, это «недостающее звено» и стремятся найти антропологи.

Дарвин представлял себе недостающее звено не в виде существа, обладающего чертами и человека, и обезьяны, а скорее как животное меньших размеров, которое способно развиваться в любом из этих двух направлений. Поэтому он

утверждал, что для восстановления родословного дерева человечества нужно вести поиски в древних отложениях и изучать пласты с окаменелыми скелетами и их отпечатками. Ученые-энтузиасты начали поиски ископаемых остатков во многих частях мира.

Одним из тех, кто искал недостающее звено, были голландский врач Эжен Дюбуа. Он решил, что скелет общего предка человека и обезьяны можно будет обнаружить в тропиках, поскольку их не коснулись ледники. Начав раскопки на Яве, Дюбуа в 1891 году обнаружил череп настолько примитивный, что трудно было решить, принадлежал ли он человеку или обезьяне. Лишь спустя год, найдя окаменелую бедренную кость существа, которое, очевидно, ходило в вертикальном положении, Дюбуа решил, что действительно открыл недостающее звено. Он назвал его питекантропом и предположил, что ему около трехсот тысяч лет.

В Китае два шведских геолога, доктор Гуннар Андерсон и доктор Биргер Волин, нашли зубы, осколки черепа и кости конечностей, по которым им удалось реконструировать еще один тип доисторического человека — так называемого синантропа, или пекинского человека. Останки еще одного древнего человека — неандертала — были

обнаружены в нескольких местах в Европе и на Востоке.

В Сиваликских пещерах на севере Индии в отложениях 10—25-миллионлетней давности нашли несколько костей вымерших антропоидных обезьян — сивапитека и рамапитека. Поскольку питекантроп и синантроп определенно жили менее миллиона лет назад, вполне возможно, что именно этой, гораздо более древней сиваликской разновидности хватило времени для того, чтобы развиться по двум линиям — как человек и как обезьяна. От нее вполне могли произойти человекообразные обезьяны — орангутанг и гиббон в Азии, а также их «кузены» шимпанзе и горилла в Африке, которые могли переселиться в Китай, предоставив, таким образом, возможность родословному дереву человечества развиваться в Центральной Азии.

Теория о том, что именно Центральная Азия была колыбелью человечества, все еще имеет много сторонников, но более поздние находки в Восточной и Южной Африке привлекли внимание ученых к Черному континенту. Английский палеонтолог Хопвуд обнаружил в Восточной Африке остатки вымершей человекообразной обезьяны, которую он назвал проконсулом (по имени знаменитого в его время дрессированного шимпанзе). Кости ног ископаемого

свидетельствуют, что эта обезьяна, по крайней мере непродолжительное время, могла передвигаться в вертикальном положении. Хопвуд посчитал проконсула предком дриопитека («древесной обезьяны») и человека. Наш предок 25 миллионов лет назад спустился с деревьев и, встав на две ноги, начал завоевывать землю. Он научился исследовать местность, где жил, изготавливать орудия и утварь. В процессе жизнедеятельности его мозгу приходилось постоянно решать все новые проблемы. Так начался процесс развития мозга, процесс, продолжающийся уже миллионы лет. Из всех обнаруженных ранее ископаемых человекообразных существ проконсул по своему внешнему виду и возрасту, пожалуй, находится ближе всего к тому времени, когда древесные обезьяны и человеческие существа начали развиваться каждый в своем направлении. Некоторые исследователи считают, что именно проконсул и есть тот прародитель, от которого развились шимпанзе и горилла, с одной стороны, и такие предки человека, как питекантроп, синантроп и неандерталец, — с другой.

Еще один известный ученый, доктор Лики, нашел следы доисторических существ близ озера Манеди, к юго-западу от Найроби. В древних отложениях он наткнулся на каменные топоры, ручные рубила и скребки. Таким образом, древним

высшим приматам понадобилось около двадцати пяти миллионов лет, чтобы стать *homo sapiens* (человеком разумным), то есть человеком верхнего палеолита.

В 1924 году южноафриканский ученый Реймонд Дарт из университета Витватерсранда нашел череп молодого австралопитека, названный им «ребенком Тонг». Поначалу его считали черепом обезьяны, но Дарт понял, что это новый, неизвестный ранее науке вид, один из далеких предков современного человека. Ученые считают, что «ребенку Тонг» на момент смерти было около трех лет. Это было существо ростом чуть более метра и весом около 20–24 кг. Объем его мозга составлял 340 см³. В начале 2006 года было объявлено, что «ребенок Тонг», вероятно, был убит орлом или другой крупной хищной птицей. Этот вывод сделали на основании сходства в повреждениях черепа и глазницы с повреждениями черепа современных приматов, убитых орлами. Прошло еще несколько лет, и даже оппоненты профессора Дарта признали, что его австралопитек и есть «недостающее звено».

Но вернемся к пещерам Стеркфонтейна. Пятнадцать лет здесь велись раскопки под руководством выходца из Эдинбурга доктора Роберта Брума, который в семьдесят лет стал сотрудником Трансваальского музея и,

вооружившись динамитом, молотком и резцом, стал извлекать окаменелости из скальных пород. 18 апреля 1947 году он обнаружил почти целый череп дриопитека и прославился на весь мир. Вскоре он нашел поврежденную подвздошную кость того же самого скелета, который, как оказалось, принадлежал пятидесятилетней самке, умершей в пещере четверть миллиона лет назад. Ученые назвали ее плесиантропом, а пресса мгновенно окрестила «миссис Плес». Подвздошная кость вызвала много споров о том, мог ли дриопитек передвигаться на двух ногах в вертикальном положении. Наконец все согласились, что она совершенно не похожа на кость современного шимпанзе, но по форме и размерам очень напоминает кость бушмена. Сомнений больше не оставалось: этот дриопитек действительно ходил на двух ногах, как ходят сейчас люди.

Эти открытия подорвали теорию азиатского происхождения человека. Сейчас многие ученые убеждены, что именно Африка — колыбель человечества. Хотя, как считают некоторые ученые, переход человеческого рода от передвижения на четвереньках к ходьбе в вертикальном положении не обязательно должен был происходить в каком-то одном районе: древнейший первобытный человек вполне мог развиваться одновременно и в Азии, и в

Африке, где географические и климатические условия почти одинаковы.

За время раскопок в Стеркфонтейне было найдено более пятисот окаменелых костей древнего человека, тысячи ископаемых останков животных, более трехсот фрагментов окаменелой древесины и более чем девять тысяч каменных инструментов, изготовленных нашими далекими предками. Так, на некоторых черепах бабуинов было по два небольших отверстия, расположенных близко одно к другому. Очевидно, дриопитеки убивали этих животных ударами больших костей. Такие окаменелые кости, чьи очертания точно совпадавшие с отверстиями в черепах, также были найдены. Позднее обнаружили и каменные орудия.

Эти открытия позволяют представить более или менее ясную картину доисторического периода в жизни человечества. По холмистой местности Стеркфонтейна бродили первобытные существа. Они подкрадывались к животным, наносили им удары костями, разрывали жертву на куски, пили ее дымящуюся кровь и пожирали сырое мясо. Эти первобытные существа были совсем не похожи на мирных лесных обезьян, передвигающихся на четвереньках. Они ходили выпрямившись, с орудиями в руках, легко переходили на бег. Их орудия были сделаны еще не из камня — это либо огромная неотесанная дубина, либо большая кость,

либо даже целый череп антилопы вместе с рогами. Если кость-дубинка растрескивалась, ее осколки с острыми краями использовались как ножи для разделки туш животных. Вооруженные такими орудиями и камнями для метания, первобытные существа добывали мясо и боролись со своими четвероногими врагами.

Эти первобытные создания были людьми не только потому, что могли ходить прямо и у них были человеческие черты лица и человеческие зубы, но и потому, что они жили в пещерах, употребляли в пищу мясо, изготавливали орудия и пользовались ими. Судя по массе расколотых костей, они, очевидно, любили костный мозг. Однако они еще не умели использовать огонь: следов костров или обгорелых костей обнаружить не удалось. В субтропических районах огонь был далеко не так необходим, как позднее, во время ледникового периода, на севере. Первые люди в Стеркфонтейне ели пищу в сыром виде. Для них с их мощными жерновами-челюстями это было совсем нетрудно.

Как мы уже упоминали, дриопитеки жили в пещерах, и благодаря этому известно, что у них была привычка сбрасывать в ямы и углубления в пещерах тела умерших и кости с остатками пищи. Со временем песок и мусор покрывали пол пещеры,

он поднимался, и обитатели вынуждены были искать новое жилище.

По физическим особенностям и по размеру мозга южноафриканские дриопитеки примыкают к людям. С точки зрения культурного развития, разница между ними и людьми каменного века очень незначительна, за тем исключением, что человек каменного века был уже достаточно развит интеллектуально и обладал опытом, необходимым для того, чтобы изготавливать каменные орудия и пользоваться огнем.

Открытие просвещенного идадьго

В 1878 году дон Марселино де Саутуола, страстный любитель древностей, побывав на Всемирной выставке в Париже и осмотрев экспонировавшиеся здесь в особом разделе о доисторических людях материалы из раскопок французских археологов, был поражен миниатюрными изображениями зверей, выгравированными на кости и камне людьми каменного века. Места находок этих изображений позволяли сделать вывод: подобное может быть и на земле Испании. Возвратившись в Сантандер, Саутуола все свое время посвятил поискам подобных изображений.

Впервые он осмотрел расположенную в его владениях пещеру в 1876 году еще до посещения Всемирной выставки в Париже, спустя несколько лет после того, как в ее привходовом отверстии чуть не застряла собака местного охотника Модесто Кубильяса Переса. Извлекая пса из расщелины в каменном завале, охотник обнаружил заросший бурьяном вход в пещеру на склоне холма. Навес, прикрывавший отверстие, обрушился около 13 тысяч лет назад. Этот заросший эвкалиптами уголок на севере Испании издавна называли Альтамира, такое же название стала носить и знаменитая пещера

Еще в первую разведку пещеры Марселино увидел в ее глубине несколько черных рисунков, однако не придавал им никакого значения. Но, вернувшись в ноябре 1879 года из Парижа, Саутуола начал разведочные раскопки в пещере. Во время этих раскопок он обнаружил в пещере обработанные орудия из камня, кости, оленьих рогов и следы палеолитического очага. Однажды он взял с собой шестилетнюю дочь Марию. Ей все здесь было интересно, а рост позволял свободно рассматривать своды пещеры там, где отец мог пройти лишь согнувшись. И именно Мария заметила в этот день на одном из сводов Альтамиры бизонов, нарисованных красной краской. «Торос, торос!» — закричала девочка.

Саутуола увидел то, что впоследствии назовут Большим плафоном — одно из самых знаменитых произведений искусства верхнего палеолита. Потолок пещеры был расписан с использованием охры и угля, но благодаря мастерству художника выглядел многоцветным. Изображения животных полосой протянулись в длину на 18 м, а в ширину примерно на 9 м. В центре Большого плафона в разных позах нарисованы 15 бизонов; позади самого крупного бизона-самца — самка оленя, несколько фигур лошадей, козел, бизон с отсутствующей головой, а еще выше — кабан. Примечательны фигуры бизонов, склонивших головы и подогнувших ноги к животу. На плоской стене они смотрятся странновато, но эти позы реалистичны — так животные подолгу лежат на траве.

Изучая рисунки, Саутуола пришел к выводу, что автор их должен быть очень сведущим и талантливым, его рука уверенно вписывала изображения в неровности скал. Пройдя из первого зала пещеры во второй, идальго и там увидел рисунки зверей и геометрические фигуры. В слое культурных отложений на полу пещеры он нашел куски охры того же цвета, каким выполнялись росписи полутора— и двухметровых бизонов. И самое главное — Саутуола после тщательных исследований собрал убедительные доказательства

того, что в этих залах со времен древнекаменного века никого никогда не было. Он был убежден, что живопись Альтамиры — следы неизвестной до сих пор деятельности ископаемого человека.

Саутуола понимал, что определить точный возраст изображений Альтамиры ему, любителю, не под силу. Он с удивительной для дилетанта скромностью писал, что всего лишь «обязан подготовить путь более компетентным лицам, которые захотят раскрыть истоки и обычаи первобытных обитателей этих гор». Саутуола, несмотря на свою уверенность, ничего не утверждал — он лишь ставил вопрос, окончательное решение которого он на себя не брал, хотя собранные им тогда доказательства, как выяснилось спустя двадцать лет, были вполне достаточны для такого решения.

Саутуола написал небольшую работу о своей находке и отправил ее в редакцию французского журнала «Материалы по естественной истории человека» — главного в то время органа историков первобытности, он решил познакомить с фресками Альтамиры своих соотечественников. Профессор Мадридского университета геолог Виланова, посетив Альтамиру и обнаружив в контрольных шурфах культурного слоя пещеры кости ископаемых животных, в том числе и пещерного медведя, поддержал выводы Саутуолы. Жители

Сантандера и ближайших провинций были взволнованы открытием своего земляка. Сведения проникли в прессу — Альтамира стала местом туристического паломничества. Даже сам испанский король осчастливил пещеру своим посещением (какой-то расторопный подданный даже вывел поверх одной фрески дымом от факела имя Альфонса XII в память о столь важном событии).

Но судьба Альтамиры решалась учеными в Париже.

Как потом написал внук Марселино Саутуолы Эмилио, его дед вместо признания и благодарности получил лишь упреки и горести. Ученые мужи набросились на гипотезу Саутуолы и объявили его шарлатаном и лжецом. Профессор Картальяк, глава редакции «Материалов», прочел брошюру Саутуолы, где были воспроизведены альтамирские фрески. Впоследствии он вспоминал, что эти рисунки произвели на него большое впечатление, но он решил посоветоваться с одним из величайших археологов, человеком светлого ума и передовых взглядов, ученым, фактически создавшим современную первобытную археологию, Габриэлем де Мортилье. И тот, когда до него дошла весть об Альтамире, предостерег Картальяка: «Дружище, будь осторожен. Это фокус испанских иезуитов. Они хотят скомпрометировать историков

первобытности». Так фигуры бизонов, созданные десятки тысячелетий назад, неожиданно оказались в центре страстей, бушевавших тогда вокруг вопроса о происхождении человека.

Аргументы Мортилье сводились к следующему. Все изображения Альтамиры находятся в крошечной тьме, туда не проникает дневной свет. Для создания же фресок требовалось долгое искусственное освещение, чего не мог обеспечить человек ледниковой эпохи. В пещере нет следов применения осветительных средств, например, копоти от факелов. В то же время фрески на плафоне Альтамиры написаны с величайшим артистизмом. Автор их играл цветовыми и световыми гаммами, явно старался передать эффекты освещения форм. Поверхность пещеры покрыта древними сталактитовыми натеками, росписи нанесены на эти натеки; лишь в нескольких местах (это и было основанием считать их древними) обратная картина: сталактиты покрывают часть фигур — лошади и других животных. Краска росписей влажная, свежая, ее легко снять пальцем. Нельзя представить себе сохранение таких красочных изображений в течение многих веков. Охра, которой были нарисованы фрески, встречается не только в палеолитическом слое, но повсюду в этой

местности, ею даже обмазывают дома местные жители.

Больше в пещеру никто из археологов не заходил и фресками не интересовался... В 1902 году на конгрессе французских антропологов в Монтабане профессор Люсьен Капитан и его молодые соавторы Анри Брейль и Дени Пейрони докладывали об открытых ими в 1901 году двух огромных пещерах — Комбарель и Фон-де-Гом — с наскальными изображениями. В Комбарель найдены только гравированные фигуры зверей — 14 мамонтов, 3 северных оленя, 2 бизона и 90 животных других видов — размерами до одного метра. В Фон-де-Гом — и гравировки, и многоцветные росписи: двухметровые зубры, мамонты, северные олени — всего 75 изображений. Некоторые фигуры покрыты прозрачной броней древних кальцитовых натек... Аудитория хохочет — да ведь авторы фресок не ископаемые люди, а местные крестьяне, пастухи; они-то и рисовали свой скот от нечего делать. Конечно, докладчики ссылались на предшественников. К этому времени уже признали палеолитический возраст наскальных рисунков в пещерах Пэр-но-Пэр, Ла-Мут, Марсула, Шабо. Была Альтамира... Но эти ссылки лишь усилили юмористическое настроение развеселившихся слушателей.

И вдруг поднялся Картальяк и призвал слушателей не совершать роковой ошибки, которую сам он совершил 20 лет назад и о которой теперь глубоко сожалеет. В наступившей тишине ученый заявил, что в ближайшем номере журнала «Антропология» будет опубликована его статья об этом, а сейчас необходимо идти в пещеры и осмотреть те изображения, о которых было доложено.

В день закрытия конгресса, 14 августа 1902 года, его участники направились в Комбарель, затем в Фон-де-Гом, оттуда в Ла-Мут — и смогли убедиться, что все сообщенное о наскальных изображениях соответствует действительности. У выхода из Ла-Мут участники экскурсии сфотографировались, этот групповой снимок стал свидетельством исторического момента — признания наскальных рисунков и росписей ледниковой эпохи, включая живопись Альтамиры. Правда, Саутуола не дожил до этого.

Современные методы датировки позволили окончательно подтвердить то, в чем не сомневался Саутуола. С помощью радиоуглеродного метода AMS14C, для которого требуется лишь крошечный кусочек угля, получена серия дат для Большого плафона Альтамиры: они варьируют от 14 820 до 13 130 лет назад; даты изображений, расположенных в

других отделах пещеры, имеют более широкие временные рамки — от 16 480 до 14 650 лет назад.

Хотя признание художественной ценности пещерных росписей Альтамиры шло непросто, настало время, когда восхищение творчеством древних и желание воочию увидеть эти бесценные шедевры вступили в противоречие с необходимостью заботиться об их сохранности.

Ежегодно пещеру Альтамира посещали тысячи людей, что не могло не сказаться на ее сохранности. В 1977 году Альтамиру закрыли для посетителей: обнаружилось, что огромный туристический поток влияет на климат внутри пещеры. Изменение влажности и содержания углекислого газа приводило к деградации пигментов росписей. А некоторые посетители не оставляли попыток отбить на память фрагменты древних изображений, бросая в них, несмотря на загрязнение, всякие мелкие предметы, например монеты.

Долговременные наблюдения специалистов позволили установить оптимальные температуру и влажность, не оказывающие разрушительного воздействия на памятник, и в 1982 году пещеру вновь открыли, но ограничили количество посетителей до 8500 в год. А с начала 1990-х годов начали создавать пещеру-дублер — Альтамиру-2. Расположенная неподалеку от подлинной, она

выполнена согласно последнему слову техники, но с применением ручного труда. Новейшие технологии использовались для имитации фактуры стен, поддержания прохладного пещерного климата, восстановления первоначального облика привходовой части. Сами росписи создавались так же, как и тысячелетия назад, натуральным пигментом на водной основе. Стены монтировались из полистироловых блоков высокой плотности. Цвет, рельеф и фактура скальной поверхности имитировались составом из смеси известняка и смол. Использование лака и эпоксидной смолы создало иллюзию, будто с потолка свисают капельки воды. Но некоторые изменения все же были внесены: для удобства посетителей в зале с росписями пол опущен значительно ниже, чем в подлинной Альтамире. Это позволяет туристам входить не наклоняясь, не задирать голову, осматривая росписи. В помещении были установлены кондиционеры, поддерживается постоянная 14-градусная температура. Свет и аудиовидеотехника усиливают эффект реальности, приближая Альтамиру-2 к ее прототипу.

Жизнь «первооткрывательницы» Альтамиры — той самой девочки, дочери Саутуолы Марии, сложилась хорошо. Она вышла замуж за представителя богатейшего семейства Ботин. Фонд

этой семьи и оплатил большую часть расходов по созданию Альтамиры-2.

17 июля 2001 года пещера-копия была открыта для посетителей, первыми из которых стали король и королева Испании. Потомки дон Марселино чтут память их знаменитого ныне предка. Теперь его доброе имя восстановлено, а уязвленное самолюбие могло бы торжествовать. Рядом со входом в пещеру стоит простой обелиск из грубого камня, посвященный памяти Марселино де Саутуолы, который открыл для человечества новый мир первобытного художественного творчества.

Солсберийские мегалиты

Стоунхендж — одна из наиболее посещаемых археологических достопримечательностей в мире. Мистическая атмосфера Стоунхенджа притягивает сюда множество любопытных, особенно во время летнего солнцестояния. Расположен этот памятник на Солсберийской равнине в 130 километрах от Лондона, в графстве Уилтшир.

Стоунхендж представляет собой сосредоточение особым образом расположенных каменных глыб, земляных рвов и валов,

составляющих окружности, которые расходятся от находящегося в центре «алтарного камня».

Первая, незавершенная окружность, похожая на подкову радиусом около 7,5 метра, состоит из пяти трилитов. Так называют сооружения в виде буквы П из установленных вертикально исполинских блоков с перекрытием. Следующее кольцо, радиусом около 15 метров, включает 30 вертикальных каменных столбов, покрытых каменными же плитами, составляющими сплошное кольцо. Это кольцо состоит из валунов песчаника (сарсена), поэтому его называют сарсеновым. Дальше от центра располагалось еще два кольца, диаметром 40 и 53,4 метра, образованные из 30 земляных лунок каждое. В лунках первого кольца обнаружены следы кремированных человеческих тел. Еще одно кольцо имеет 56 лунок и диаметр 88 метров. Оно получило название «кольцо Обри» — по имени первого исследователя Стоунхенджа Дж. Обри, жившего в XVII веке.

Стоунхендж настолько древен, что его историю забыли уже в античное время. О нем ничего не пишут ни греческие, ни римские авторы. Саксы назвали мегалит Стоунхенджем, что означает «висящий камень». А средневековые переписчики упоминали его под поэтическим именем «Игрушка великана».

Упоминается Стоунхендж и в легенде о короле Артуре. Когда, согласно преданию, в тяжелом бою пало около 300 достойнейших воинов, король пожелал на их могиле воздвигнуть величайший из памятников. Волшебник Мерлин, герой кельтского фольклора, чудесным образом переместил камни из Ирландии, куда, в свою очередь, они были доставлены из Африки, в Южную Англию.

Хотя большинство ученых сходились во мнении, что это место связано с отправлением религиозного культа, о его истинном предназначении ничего не было известно. Например, живший в XVII веке архитектор Иниго Джонс утверждал, что камни — это развалины римского храма. Но в XVIII и XIX веках общепринятой стала точка зрения, согласно которой каменный круг не что иное, как храм друидов, где поклонялись солнцу и приносили в жертву людей. Вряд ли это соответствует действительности, поскольку Стоунхендж был построен по меньшей мере за 1000 лет до расцвета друидического культа.

Существует «теория» о том, что построили «Висящий камень» микенцы для защиты от атлантов. Но она рассыпается буквально на глазах: достаточно посмотреть на Стоунхендж, чтобы стало

понятно, что никто с его помощью ни от кого не защищался.

В XX веке Стоунхенджем заинтересовались астрономы. Они обнаружили, что оси, образуемые камнями сооружения, точно показывают на восемь главных фаз луны, а значит, с первых дней существования Стоунхендж являлся солнечной и лунной обсерваторией. Ученые выяснили, что стоило строителям расположить комплекс всего в нескольких милях к югу или северу, как эта филигранная «настройка» всего сооружения сразу же потерялась бы. Вероятно, с помощью этой обсерватории уже четыре тысячи лет назад люди могли с полной уверенностью определять наступление лунных и солнечных затмений. Гигантские каменные арки, по мнению автора идеи Джеральда Хоскинса, показывают путь, который солнце описывает по небу.

Выбор места для строительства гигантского сооружения вызвал предположение о том, что Стоунхендж использовался в качестве ориентира для древних мореплавателей, а значит, мог быть сооружен пришельцами, но не веземными, а просто не жителями Британских островов. Как Гринвичский меридиан принят нами за нулевой, так в древних картах центром, от которого строили проекции картографы, была пирамида Хеопса. Может быть, Стоунхендж входил в эту забытую

древнюю систему отсчета. Астрономы обнаружили, что расположение пирамид Гизы повторяет положение на звездном небе пояса Ориона. А на карте Британии в числе памятников Солсберийской долины есть три объекта, буквально копирующие тот же пояс Ориона. Может быть, место Стоунхенджа среди них?

После астрономов Стоунхенджем занялись математики. Ими было установлено, что ряд окружностей Стоунхенджа моделируют решение задачи Дерихле для уравнения Лапласа. Не обошли проблему предназначения камней Стоунхенджа и литературоведы, заметившие, что летающий остров Лапута, описанный Свифтом в «Путешествиях Гулливера», поразительным образом смахивает на Стоунхендж с подвешенным в центре магнитом.

Фантасты приписывают Стоунхенджу чуть ли не инопланетное происхождение и высказывают версии о том, что эта каменная изгородь — некий портал для входа в параллельные миры. Археологи же о функциях Стоунхенджа высказывают более прозаичные предположения. Они обнаружили доказательства того, что это странное сооружение могло восприниматься жившими в то время людьми как место исцеления, куда в надежде исцелиться издалека приходили страдающие различными недугами больные. В пользу этой теории говорит и большое количество останков людей с признаками

серьезных заболеваний. Кроме того, выяснилось, что бóльшая часть захороненных здесь людей не были местными жителями.

Принимая во внимание количество земляных сооружений, имеющих в этом районе, где наблюдается самая высокая в Британии концентрация могильных курганов, большинство современных археологов считает, что Стоунхендж был церемониальным кладбищем. Исследователи из университета Шеффилда предполагают, что знаменитое сооружение использовалось в таком качестве, начиная с 3 тыс. лет до н. э. и вплоть до того момента, как были установлены большие каменные блоки. Здесь, по мнению ученых, сжигали тела представителей правящей династии и их потомков. Об этом говорит постепенное увеличение в последующих столетиях числа захоронений. Останки людей были извлечены из земли еще в 50-е годы XX века и хранились в расположенном неподалеку музее Солсбери. И только после проведенного учеными исследования удалось определить их возраст. Археологи предполагают, что в Стоунхендже были сожжены и похоронены около 240 человек.

Современное состояние науки позволяет предположить, что странные концентрические каменные круги, из которых состоит это сооружение, появились в результате смены

археологических эпох, происходившей на протяжении тысячелетий. Памятник, связавший конец каменного и начало бронзового веков, возводился в три или даже четыре этапа в течение приблизительно 1500 лет. Причем каменному сооружению предшествовало деревянное. Основные работы производились между 1800 и 1400 годами до н. э. То, что осталось от Стоунхенджа сегодня, — это лишь бледная тень былого великолепия. Более половины камней либо упали, либо ушли под землю, либо исчезли вообще.

Строительство началось примерно за 2800 лет до н. э., когда был выкопан широкий кольцевой ров и в образовавшейся земляной насыпи было сделано 56 выемок, названных впоследствии «шахтами Обри». Потом эти ямы были залиты раствором. Считается, что первый установленный там гигантский камень, Хилстоун, стоящий у входа в земляное сооружение, до сих пор остался на своем первоначальном месте. Еще два кольца шахт, которые, возможно, были вырыты с астрономическими целями, располагаются между «шахтами Обри» и массивными каменными кольцами в центре.

Главный строительный материал монолитов — долерит, но есть и вулканическая лава (риолит), и вулканический туф, и песчаник, и известковый туф. Три вида — долерит, риолит и вулканический

туф — встречаются лишь в одном месте — в Уэльсе, в горах Преселли, близ побережья Бристольского залива. Дистанция по прямой до Стоунхенджа составляет 210 километров. Везли блоки скорее всего на катках и по воде; 80 камней вместе весят около 400 тонн. Ученые проследили возможный путь строителей и выяснили, что бóльшая часть его проходила по воде — около 350 километров. Некоторые крупные камни подбирали по дороге.

По суше камни везли на деревянных салазках по бревнам, которые подставляли вместо колес. Тянули веревками, скрученными из кожаных ремней, впрягались группами. Колеса здесь скорее всего еще не знали. «Следственный эксперимент», проведенный в свое время учеными, помог выяснить, что 24 человека способны тащить именно таким образом груз весом в одну тонну — километр-полтора в день. На воде дело обстояло проще: несколько деревянных челнов, соединенных досками, выдерживали огромные тяжести, к тому же ими было легко управлять. Сарсены внешнего круга, достигающие пятиметровой высоты и весящие около 26 т каждый, были волоком доставлены из Марлборо-Даунс, находящегося примерно в 32 км от Стоунхенджа. Их тщательно подгоняли друг к другу так, чтобы вертикальные

столбы и поперечины были прочно соединены (соединение типа шип — паз).

Около 2100 года до н. э. из 80 глыб голубого песчаника было сложено два концентрических круга. Позже вместо них появилось кольцо из 30 огромных песчаниковых монолитов. Внутри этого кольца установили две подковообразные конструкции — внешнюю из пяти трилитов и внутреннюю — из 19 кромлехов (отесанных плит голубого песчаника). А ведь единственным инструментом, имевшимся в распоряжении строителей, была мотыга, сделанная из рогов благородного оленя!

Древние мастера умело обрабатывали глыбы еще до того, как везти их к месту строительства комплекса, используя технику удара и обработки огнем и холодом. После того как на камне намечалась трещина, по ней выкладывали костер, а потом лили холодную воду. И били каменными молотами. А уже после грубой обработки и доставки глыбы на место следовала более тонкая работа. Камни шлифовали очень чисто, просто ювелирно. Однако технику оценить сегодня невозможно — вода и ветер сделали свое дело.

Ученые выяснили, как устанавливались исполины. Оказалось, сначала выкапывали ямы, длина которых равнялась длине той части камня, которую предполагалось зарыть. Длина и ширина

лунки была сантиметров на 90 больше, чем камень. Три стенки лунки делали отвесными, а четвертой задавали наклон в 45 градусов — это был приемный пандус. Перед тем как ставить камень, стенку лунки обкладывали толстыми деревянными кольями. Камень скользил по ней, не осыпая земли. Затем махину с помощью канатов и веревок ставили вертикально, причем очень быстро — пока у тех, кто держал, хватало сил — засыпали свободное пространство вокруг, чтобы камень не завалился. Утрамбовав, оставляли на месяцы в покое, пока почва не просядет и не спрессуется. Важная деталь: нижние концы вертикальных камней были оббиты на тупой конус — чтобы после того, как их спустили в лунку, камни можно было поворачивать и устанавливать поточнее.

Если даже допустить, что гигантские камни Стоунхенджа сначала служили астрономическим ориентиром для далеких путешествий, то логично предположить, что народу-земледельцу, поселившемуся на Солсберийской равнине в бронзовом веке, Стоунхендж стал не нужен. Им воспользовались друиды для своих кровавых ритуалов. И кто бы ни был автором Стоунхенджа, когда бы ни был он построен, ясно одно: каменный век породил человека, представления о котором у нас чрезвычайно искажены. Тайна человека неолита еще ждет своего открывателя.

Мальтийские древности

Многие считают египетские пирамиды самыми старыми рукотворными сооружениями в мире. Однако самые древние в мире храмы обнаружены на Мальте: некоторые мальтийские мегалиты почти на тысячу лет старше пирамид. Именно здесь находятся следы одной из самых таинственных в истории человечества цивилизаций.

7000 лет назад бесстрашные первооткрыватели, высадившиеся на зеленых островах Мальтийского архипелага, привезли с собой рогатый скот, овец, коз и свиней, семена пшеницы и ячменя.

Что это были за люди? Что заставило их переехать на острова? Как они выглядели? На каком языке говорили?

Жители островов металлов не знали и жили еще в каменном веке, но изолированными от остального мира они не были. Кремень на Мальту доставлялся из Сицилии, черное вулканическое стекло (обсидиан) — с островов Липари и Пантеллерия, а крепкие диоритовые топоры привозили из Италии, за сотни километров к северу.

Этими каменными инструментами жители древней Мальты создали огромные мегалитические храмы, превосходящие по своим размерам все, что до того времени было построено в Европе, а возможно — и во всем тогдашнем мире. Более 5500 лет назад, за тысячу лет до пирамиды Хеопса, островитяне возводили колоссальные постройки, поражающие своими размерами до сих пор, а потому-то археологи долгое время предполагали, что эти мальтийские храмы появились сравнительно поздно, что их создатели заимствовали идеи и методы строительства у жителей каких-то центров Апеннинского полуострова или Греции.

Но когда радиоуглеродный метод показал истинный возраст мальтийских храмов, стало ясно, что это самый древний в мире комплекс монументальной каменной архитектуры и создан он раньше, чем пирамиды в Древнем Египте, памятники Месопотамии. Этот факт опрокинул многие бытовавшие ранее представления о развитии человеческой цивилизации. А период, в который сооружались мегалитические храмы Мальты (середина IV — конец III тыс. до н. э.), получил в истории острова название «эпохи храмовых строителей».

Всего на острове Мальта и Гоцо к сегодняшнему дню обнаружены остатки 30 храмов.

Все они построены из местного известняка, а точнее — из двух его разновидностей: относительно твердого кораллового известняка и более мягкого, глобигеринового. К сожалению, в течение нескольких столетий мальтийские крестьяне разбирали древние храмы и использовали их фрагменты как строительный материал, поэтому сегодня большинство построек представляют собой груды развалин: беспорядочно разбросанные глыбы камня, разрушенные остатки стен и оград. Но даже эти руины впечатляют и заставляют задуматься о трудолюбии и упорстве доисторических строителей, соорудивших эти величественные памятники своим неведомым богам.

Только четыре храма дошли до нашего времени сравнительно неповрежденными — Джгантия, Хагар Квим, Мнайдра и Тарксиенна. Самый древний из них, Джгантия (его название в переводе означает «Башня гиганта»), расположен в центре острова Гоцо. Он был построен около 3600 года до н. э. Согласно местной легенде, этот храм построили жившие когда-то на острове люди-гиганты. По одной версии этой легенды, колоссальные глыбы, из которых сооружен храм, носила женщина-гигантесса с младенцем за спиной. Она питалась волшебными бобами, увеличивавшими ее и без того непомерную силу.

Комплекс Джгантия — это два храма, построенные рядом. Большой (и более древний) обращен фасадом на юго-восток, как и другие мегалитические храмы. Сохранившаяся левая сторона фасада достигает 6 м в высоту (очевидно, что первоначально храм был еще выше).

Большой храм Джгантии создавался с частичным использованием циклопического стиля каменной кладки — громадные камни держатся лишь за счет собственного веса. Перед храмом устроена полукруглая открытая площадка, где, вероятно, собирались пришедшие в храм люди. Здесь сохранились вертикально стоящие камни с отверстиями, к которым, как полагают, привязывали жертвенных животных в ожидании, пока жрецы не введут их в святилище, чтобы возложить на алтари. Слева от входа — каменная плита с высеченным в ней углублением. В прежние времена оно, видимо, заполнялось водой, и входящие в храм предварительно омывали здесь ноги.

Вход в само святилище обрамляют большие вертикальные камни (ортостаты). Судя по всему, никаких дверей здесь не было, но последняя пара ортостатов имеет отверстия, в которые вставлялись поперечные деревянные брусья. На них, вероятно, вешался занавес из кожи или ткани, отгораживавший святилище от внешнего мира.

План святилища выглядит как «триконх» — трилистник и состоит из пяти полукруглых апсид, в каждую из которых можно попасть из коридора, протянувшегося от входа до задней части храма. По две апсиды расположены на каждой стороне этого прохода и одна — в конце. В первой из апсид слева сохранились следы красной штукатурки, некогда украшавшей интерьер святилища.

Пара внутренних апсид больше, чем внешние: каждая из них имеет протяженность 23,5 метра. В левой апсиде можно видеть уцелевший практически в первозданном виде алтарь. На полу множество углублений — это так называемые отверстия для возлияний. Они служили вместилищами крови жертвенных животных.

Самая поразительная особенность Джгантии — это ограда, которая окружает участок, на котором стоят оба храма. Некоторые из камней, вертикально стоящих в ограде, достигают 5,5 м в длину и весят не менее 50 тонн.

Другой храмовый комплекс — Тарксиенна — вершина творчества мальтийских архитекторов каменного века. Это фактически три храма в одном. Хотя Тарксиенна сохранилась до наших дней гораздо хуже, чем Джгантия, ее руины все еще производят внушительное впечатление. В апсиде третьего храма Тарксиенны сохранилась нижняя часть колоссальной статуи богини. (Ее оригинал

хранится в Национальном музее в столице Мальты Ла-Валлетте, а в храме установлена ее точная копия.) Уцелевшая часть статуи состоит из нижней части плиссированной юбки, из-под которой видны босые ноги богини. Вся статуя, по мнению исследователей, достигала около 2,7 м в высоту. Есть версия, что вся территория архипелага была неким сакральным местом, обиталищем великой богини и ее жриц, поклонниц некоего древнейшего средиземноморского культа.

Рядом с этим колоссом возвышается каменный алтарь, украшенный спиральными орнаментами. В передней части алтаря внизу имеется отверстие, которое было плотно забито камнем. Когда археологи расчистили его, то нашли многочисленные кости и рога животных и кремневый нож для жертвоприношений. В одной из апсид сохранилась каменная чаша, достигающая 1 м в высоту и 1 м в ширину. Она была вырезана из одного блока камня.

Исследователи давно обратили внимание на ряд особенностей мальтийских мегалитических храмов. Не вызывает сомнений, что их строители весьма тщательно выбирали место для закладки будущего храма. Они не только аккуратно вписывали свои циклопические постройки в окружающий пейзаж, но и «привязывали» их к небесам — исследования показали, что один из

сохранившихся храмов — Мнайдра — связан с днями солнцестояний и равноденствий: в дни солнцестояний лучи солнца падают прямо на главный алтарь святилища.

Но наиболее великолепные и таинственные свои сооружения храмовые строители Мальты создавали не на земле, а глубоко под землей. В толще известняковых скал они вырубали длинные спиральные коридоры, запутанные переходы и громадные искусственные пещеры, призванные служить обиталищем мертвых.

Из подземных сооружений Мальты наиболее знаменит гипогей (подземное сооружение, высеченное в скале) Хал-Сафлиени, расположенный неподалеку от храма Тарксиенна. В 1902 году его случайно обнаружили рабочие, сооружавшие шахту для водной цистерны. Они быстро поняли, что перед ними весьма древнее сооружение, но не сразу сообщили о своем открытии властям и в течение некоторого времени использовали искусственную пещеру в качестве свалки строительного мусора.

Гипогей Хал-Сафлиени — это своеобразное «зеркальное отражение» расположенных на поверхности мегалитических храмов, опрокинутое вниз, к центру земли. Здесь тоже есть главный зал и «святая святых», где все устроено точно так же, как и наверху, вплоть до отверстий для возлияний.

Однако это был не храм, а настоящий «дом мертвых»: судя по всему, здесь на протяжении многих столетий функционировал общинный могильник. По мере его разрастания строители вырубали все новые и новые коридоры и гроты, в которых древние обитатели Мальты хоронили своих мертвых. В итоге общая площадь подземных сооружений составила 480 м². По расчетам ученых, здесь в доисторические времена были погребены останки 6–7 тысяч человек.

Извилистые туннели и залы располагаются в три яруса и уходят глубоко под землю. Весь комплекс выглядит как огромная замысловатая спираль. Кое-где на стенах сохранились слабые следы росписи красной охрой. Один из таких «расписных» залов, носящий название «зал Оракула», вероятно, служил для каких-то особых церемоний. И без того отличающийся хорошим резонансом, этот зал дополнительно «усилен» специальной нишей-резонатором, высеченной в скале. Звук, сопровождаемый странным эхом, разносится отсюда по всему гипогею.

Конец эпохи храмовых строителей имеет довольно точно обозначенную дату — 2300 год до н. э. Их цивилизация исчезла внезапно и необъяснимо. В наше время было выдвинуто множество теорий, объясняющих эту загадку, но ни одну из них нельзя считать вполне убедительной.

Археологи не нашли неоспоримых свидетельств того, что цивилизация храмовых строителей погибла в результате природной катастрофы. Исследования многочисленных человеческих скелетов, найденных на островах, показали отсутствие каких-либо признаков эпидемии. Гипотеза о том, что мирные мальтийские земледельцы пали жертвой воинственных соседей, высадившихся на островах, также не подтвердилась: археологи не нашли никаких предметов вооружения или следов военных столкновений, относящихся к этой эпохе, а новые переселенцы, появившиеся на Мальте в конце бронзового века, застали здесь уже опустевшие и заброшенные постройки.

Куда ушли храмовые строители, неизвестно — нигде на побережье Средиземного моря явных следов их пребывания нет.

Египетские пирамиды

В 802 году младший сын Гаруна аль-Рашида (героя сказок «Тысячи и одной ночи»), один из образованнейших людей своего времени, арабский халиф Аль Мамун собрал множество каменотесов, архитекторов, каменщиков и разбил свой лагерь у подножия пирамиды Хеопса. Грани пирамиды были покрыты блестящими, отполированными

известняковыми плитами, подогнанными столь тщательно, что лезвие дамасского кинжала не могло пройти между ними.

Халиф искал не только сокровища одного из величайших фараонов. Его интересовал секрет оружия, что не ржавеет от крови и воды, и тайна стекла, «которое гнется, не разбиваясь». Его мудрецы говорили, что все это спрятано за каменной плитой Большой пирамиды, которую стережет каменное чудище с туловищем льва и головой мудреца. Страбон писал, что на боку пирамиды есть камень, который можно отодвинуть; если его приподнять, то откроется ход, ведущий к могиле. Но все камни были похожи друг на друга, и найти один-единственный среди тысяч и тысяч близнецов было невозможно.

Халиф приказал пробивать туннель в этой сверкающей горе. Но известняковый панцирь оказался таким твердым, что резцами и долотами невозможно было их разрушить. Люди Аль Мамуна принялись раскалывать камни, накаляя их огнем и обливая холодным уксусом. После долгих дней работы «муравьи пирамиды», как называл Аль Мамун своих работников, все-таки попали в галерею, которая привела их в огромный зал, облицованный такими же полированными плитами. На полу этого великолепного зала стоял саркофаг

темно-коричневого гранита. Он был пуст — ни сокровищ, ни папирусов с древними письменами.

Легенда гласит, что, желая хоть как-то вознаградить труд и надежды своих помощников, Аль Мамун закопал ночью в одном из коридоров пирамиды клад из золотых изделий и, «случайно» поутру найдя его, отдал все «муравьям пирамиды».

В чем загадка пирамид? Почему на протяжении почти пяти тысячелетий они по-прежнему волнуют воображение всех, кто их видел? Каких только предположений не выдвигалось на этот счет: они были построены пришельцами, в них зашифрованы астрономические, магические знания древних жрецов, в них содержится предсказание будущего. Цифровая магия великой пирамиды Хеопса была так популярна, что, измеряя ее по всем направлениям и складывая полученные результаты, любители предсказывали все что угодно.

Даже споры о том, действительно ли являются пирамиды гробницами фараонов, не прекращаются до сих пор. Ведь известно, что египтяне хоронили мертвых в земле — в склепах, гробницах, а в пирамидах не найдено ни мумий, ни погребальной, ни ритуальной утвари. Одни исследователи считают их храмами, где посвящали в служители культа бога солнца Амона-Ра, другие — гигантской научной лабораторией древних. Кто-то настаивает

на том, что пирамиды — огромные естественные генераторы земной энергии, в которых фараоны в течение продолжительного времени «заряжались» этой энергией, даже омолаживались и готовились к государственной деятельности. А потом их хоронили поблизости от пирамид, в небольших помещениях, возможно, около поминальных храмов.

Пирамидами восхищались многие великие мира сего: Александр Македонский, Цезарь, Клеопатра, Наполеон.

Чтобы воодушевить своих гренадеров во время египетского похода, он вначале воскликнул: «Пирамиды смотрят на вас», а затем мгновенно подсчитал в уме, что из двух с половиной миллионов каменных глыб пирамиды Хеопса можно было бы построить стену вокруг Франции высотой в три метра.

Высота пирамиды Хеопса, самой высокой из пирамид (а всего их около сотни, больших и малых, составляющих Город мертвых Древнего царства, они расположены шестью группами на протяжении 35 километров), в древности была равна 146 метрам, но после землетрясения она уменьшилась на девять метров.

Во времена фараонов белые контуры пирамид светились в лучах солнца, а их вершины, покрытые тонкими золотыми пластинами, слепили глаза. Сын

Хеопса из уважения к отцу сделал свою пирамиду немного ниже, чем пирамида Хеопса. На его пирамиде надпись — «Хефрен Великий», так же как на третьей, еще меньшей, выстроенной для внука Хеопса, — «Божественный Микерин».

Сегодня на пирамиде Хеопса уже нет облицовки из мелкозернистого песчаника, которую ободрали еще в XIV веке. Французские путешественники того времени писали, что их поразила картина пирамид, на гранях которых копошились, как муравьи, рабочие и спускали вниз отполированные плиты. Их отправляли на строительство дворцов мамлюкских султанов и жилых домов Каира.

Любители невероятных версий задают одни и те же вопросы. Например, как на ранней стадии развития общества можно было проделать такой огромный объем работы, ведь по сегодняшним подсчетам для возведения одной пирамиды Хеопса было затрачено более одного миллиарда человеко-часов. Кто и как организовал это строительство в условиях отсутствия элементарных знаний в области математики, физики и ограниченных технических средств для доставки грузов? Вопросы риторические, потому что те, кто их задает, ответ знают заранее — высшие цивилизации, инопланетный разум.

Им противостоит Геродот. На основании своих личных египетских впечатлений он повествует о строительстве Большой пирамиды. Из множества надписей, покрывавших тогда пирамиду, Геродот приводит одну, которая говорит о том, что были затрачены огромные суммы денег на покупку для рабочих лука и чеснока, ибо, по мнению древних египтян, они повышали работоспособность и энергию. Геродот писал, что фараон Хеопс заставил строить свою пирамиду весь народ, разделив его на две части. Одни доставляли к берегу Нила блоки из каменоломен, другие занимались их дальнейшей перевозкой. Работало сто тысяч человек, с чем согласны и нынешние египтологи. Правда, они считают, что трудились лишь три месяца в году во время разлива Нила, когда на залитых водой полях прекращались сельскохозяйственные работы.

Сначала прокладывали дорогу, по которой блоки доставлялись к реке. 10 лет ее мостили шлифованными каменными плитами, украшенными резьбой, а потом лет 20 возводили пирамиду. Постоянно на строительстве находилось около четырех тысяч строителей, ремесленников, архитекторов. По источникам можно установить, что все моменты работ, начиная с обмера и выпиливания каменных глыб и до их перевозки,

шлифовки, скрупулезно просчитывались по времени и затратам сил.

Результаты химического анализа камня показали, что строили пирамиды из местного известняка и лишь для облицовки использовали более красивый материал из каменоломен Туры, что на противоположном от Гизы берегу Нила, а погребальные камеры отделявали привезенным с юга гранитом. Блоки из карьеров в Мукаттамских горах вырубались внушительного вида медными стамесками. Археологи нашли древние строительные инструменты из меди и бронзы: резцы, сверла, долота, тесла, а также из камня и дерева.

Сразу в карьерах на блоки ставили отметки — кто и когда их изготовил, — так определялась норма выработки. В каменоломнях высекали крупные блоки, которые необработанными доставляли на строительную площадку. Тут уже занимались тонкой обработкой камня, шлифовкой и полировкой. И до сих пор между блоками не просунуть даже лезвие ножа.

На египетских фресках можно отыскать сцены, где одни люди, впрягшись в ременную упряжь, тащат на себе камни и статуи, а другие льют жидкость, чтобы уменьшить трение под полозьями гибрида саней с тележкой. По мере возведения пирамиды из глиняных кирпичей или

земли сооружались наклонные платформы, по которым с помощью веревок, деревянных санок и — главное — физической силы каменные блоки поднимались вверх. Платформы наращивали по мере роста пирамиды. Затем их разрушали. Особо тщательно готовили основание пирамиды: правильный четырехугольник из отшлифованных и точно подогнанных каменных блоков.

Технология строительства была продумана до мельчайших подробностей. Пирамиду возводили в несколько приемов: после возведения первой очереди каменные блоки поднимали выше с помощью специальных подъемников. Работы по отделке производили сверху — сначала заканчивали отделку у вершины пирамиды, а затем постепенно спускались ниже. Отделкой основания занимались в последнюю очередь.

Конструкциям пирамид свойственны вполне земные элементы. Стены возводили двумя способами: более тонкие собирали из хорошо обработанных каменных блоков, основу же более массивных стен складывали из грубо отесанных камней худшего качества, которые снаружи облицовывали отшлифованными плитами.

Удивляет точность во всех расчетах при возведении пирамид. Как же египтяне ориентировали грани пирамид? Ведь они еще не знали магнитного компаса. Ученых настолько

поразили результаты измерения пирамиды Хеопса, что их провели повторно. Ошибка, которую допустили древние инженеры, составила всего $1/12$ градуса. Первоначальную ориентацию граней пирамид по сторонам света, считают ученые, производили по звездам в момент их восхода и захода в северной части небосвода. Еще один интересный факт: все плиты имеют ширину 1,356 метра. Именно на 1,356 метра ежедневно укорачивается тень от пирамиды — вплоть до своего полного исчезновения в день весеннего равноденствия — в последний день года древних египтян. Если это не случайное совпадение, значит, Большая пирамида была еще и огромными солнечными часами и отсчитывала год с необыкновенной точностью. По подсчетам, эта точность составила 0,24219 дня.

Уже в наши дни японские ученые построили в долине Гизы небольшую пирамиду — копию пирамиды Микерина. Очевидцы рассказывают, как потомки древних строителей — феллахи, блестя под солнцем потными спинами, с необыкновенной ловкостью втаскивали громоздкие блоки по наклонным плоскостям, почти не прибегая к механическим приспособлениям. Иногда казалось, что глыба вот-вот качнется и поползет вниз, подминая людей, но жилистые египтяне, не уступая в сноровке своим предкам, делали несколько

неуловимых усилий, и громадный камень замирал и вновь начинал ползти вверх. Так что человек может сделать все, даже то, что под силу только, казалось бы, инопланетянам.

Эксперимент был удачно завершён, но белая пирамида недолго красовалась у подножия своих гигантских собратьев: её разобрали по договорённости с властями Египта.

Тайна пирамид — это тайна жизни и смерти. В этих нечеловеческих постройках воплотился вполне человеческий страх смерти и человеческая же надежда на будущую жизнь.

Карнакский храм — творение столетий

Современное название этого города — Луксор — произошло от арабского Эль-Кусор, образованного, в свою очередь, от латинского «castra», «крепость» — здесь когда-то находились римские военные лагеря. Сегодняшний Луксор — это самый большой в мире музей под открытым небом.

А ещё раньше здесь располагалась столица Египта, знаменитый город, о богатстве которого слагались легенды. Египтяне называли его Уас или Уаст. Происхождение греческого названия — Фивы

— восходит к Гомеру («стовратные Фивы»), но почему греки назвали египетскую столицу именем своего беотийского города Фивы — сказать трудно.

В эпоху Древнего царства (XXVIII–XXIII вв. до н. э.) Фивы были небольшим поселением на восточном берегу Нила, правда, в исключительно красивой местности. Возвышение Фив началось в XXI веке до н. э., с утверждением XI династии после долгих лет междоусобной войны. Во время этой войны правители Фив сумели не только одолеть своих соперников, но и подчинить их своей власти, стать во главе заново объединенного Египта.

О размерах Фив нет точных данных. Согласно Диодору, окружность города составляла 140 стадий, то есть территория, на которой находились руины Фив, была довольно обширной, около 15 километров в окружности. На этой территории было несколько святилищ, посвященных Амону, но самый грандиозный храм — Карнакский. Фивы стали своеобразной ареной, на которой соревновались владыки, пытаясь во что бы то ни стало превзойти предшественников в грандиозности своих сооружений. Нигде больше в одном и том же храмовом комплексе нельзя увидеть памятники, отстоящие друг от друга во времени иногда более, чем на десять веков.

Карнакский храмовый комплекс состоит из трех больших частей, посвященных «владыке Фив» — солнечному богу Амону-Ра, его супруге, покровительнице цариц Мут, и их сыну — лунному богу Хонсу.

Фиванский бог Амон в глазах египтян стал богом-творцом, создателем и правителем всего мира, «царем всех богов». Победы, военные и политические, рассматривались как дар фиванского бога фараонам-завоевателям. Лучше всего об этом говорит текст, содержащий речь самого бога Амона, обращенную к своему божественному царственному сыну, фараону-завоевателю Тутмосу III: «Говорит Амон-Ра, владыка Карнака... я даю тебе мощь и победы над всеми чужеземными странами... Я ниспровергаю твоих врагов под твои сандалии... я отдаю тебе землю во всю ее длину и ширину, жителей запада и востока под твою власть... Я твой путеводитель, так что настигаешь их...» Таким образом, бог Фив Амон-Ра считался не только создателем богов и людей, но и египетской империи. Он был божественным инициатором и организатором египетской агрессии за пределами Египта.

Мут была местной богиней-коршуном озера Ашеру, чуть южнее Карнака. Ее обычно изображали в виде женщины, и нередко поклонялись ей то как Сехмет, то как Бастет. Бог

Хонсу в «Текстах пирамид» упоминается как лунный бог с довольно свирепым характером. Как член триады Амона и как его сын Хонсу назывался «Хонсу в Фивах, прекрасный ликом» и имел свой собственный храм.

В эпоху Нового царства (XVI–XI вв. до н. э.) каждый фараон, едва взождая на престол, старался внести свой собственный вклад в расширение обители своего божественного отца Амона. В XVI веке до н. э. по приказу царя Тутмоса I выдающийся зодчий Инени украшает созданное новое святилище гигантскими обелисками и колоссальными статуями, изображающими царя в образе бога Осириса. Эту грандиозную строительную программу продолжила дочь Тутмоса I — знаменитая фараон-женщина Хатшепсут. Зодчие Хапусенеб и Сененмут, «начальники всех работ» царицы, лично руководили перестройкой и расширением Карнака, создавая новый храм, называвшийся «Хатшепсут божественна в памятниках». Из восхитительного красного песчаника построили новое помещение для священной ладьи бога, отделанное изящными рельефами, неподалеку от которого были воздвигнуты два обелиска из красного асуанского гранита, высотой 30 метров каждый. Гранитные колоссы были покрыты золотом и электрумом.

Ахменну («блистательный памятниками») — так назывался большой юбилейный храм, построенный в Карнаке после смерти царицы ее преемником — фараоном Тутмосом III. В одной из надписей, посвященных сооружению храма, говорится о личном участии царя в создании плана сооружения. Уникальные по своей форме колонны храма имитируют собой тонкие расписанные столбы царского паланкина, под сенью которого совершался ритуал обновления жизненных сил царя. В небольшом помещении, расположенном в юго-западной части Ахменну, сохранился Царский список Карнака — перечень всех царей-предков Тутмоса III. Неподалеку находится и знаменитый «Ботанический сад» — помещение, на стенах которого были изображены сотни различных животных и растений, обитавших как в долине Нила, так и в Сирии-Палестине, где Тутмос III провел многие годы своей жизни, захватывая вражеские города и земли.

В центральной части храма Амона при Тутмосе III был также возведен знаменитый Зал анналов, на стены которого были перенесены рассказы о военных подвигах царя в чужеземных странах, первоначально записанные на кожаных свитках личным летописцем фараона, вельможей Чанини, сопровождавшим своего повелителя во всех его походах. В центре Зала анналов

установлены два высоких геральдических столба с изображениями папируса и лилии, священных растений Нижнего и Верхнего Египта.

В память о своих победах в Азии Тутмос III также возвел в северной части Карнакского комплекса особый храм, посвященный львиноголовой богине войны Сехмет, ее супругу «прекрасноликому» Птаху и их «лотосоподобному» сыну Нефертуму. В темном святилище храма до сих пор стоит статуя Сехмет. Воплощенная в камне богиня — чуть выше человеческого роста — увенчана массивным солнечным диском, в ее руках — скипетр-папирус уадж, символ вечной молодости, и анк, символ вечной жизни. Когда видишь невероятно живой, хотя и гранитный львиный лик Сехмет в храме в Карнаке, становится ясно, что это одно из самых потрясающих и неповторимых изображений египетских божеств, дошедших до наших дней. Богиня-львица почиталась в Карнаке еще и потому, что Сехмет очень часто отождествлялась с фиванской Мут, также иногда изображавшейся львиноголовой.

Заросшие тростником и пальмами развалины, груды камней с еще сохранившимися цвет рельефами — это все, что осталось от некогда величественного храма супруги Амона-Ра, сооружениями в котором гордились многие великие властители эпохи Нового царства. На берегах почти пересохшего

подковообразного озера Ашеру, обрамлявшего в древности территорию комплекса Мут, расположенного на юге Карнака, и сегодня высятся многие десятки разбитых гранитных статуй Сехмет. Более семисот статуй грозной богини было воздвигнуто вокруг нового храма Мут Аменхотепом III, для того чтобы почтенная таким необычайным образом «во всех именах своих и во всех местах своих дочь Солнца отозвала от Египта свои болезнетворные стрелы и в стране воцарилась гармония». Аменхотеп III пожертвовал новый храм и ее сыну — лунному Хонсу, а также укрепил берега огромного священного озера, расположенного на территории комплекса Амона, и водрузил рядом с ним гигантского каменного скарабея, воплощение бога Хепри — созидательного утреннего солнца.

В XIII веке до н. э. началась новая эпоха расцвета Карнака. При Сети I, втором царе XIX династии, и его сыне Рамсесе II Великом в храме Амона был воздвигнут грандиозный гипостильный зал — самый большой колонный зал в мире. Он имеет 103 метра в ширину и 52 метра в глубину и насчитывает 144 колонны. Средний проход образуют двенадцать колонн высотой в 19,5 метра с капителями в виде раскрытых цветов папируса. На вершине каждой из них могло бы уместиться 50 человек. Более низкие колонны боковых проходов

выполнены в виде связок нераспустившихся стеблей этого растения. Стволы колонн были покрыты великолепными рельефами общей площадью 24 282 м² и отделаны листами золота.

На одном из рельефов Сети изображен стоящим в колеснице: он поражает врагов, которые валятся со всех сторон в самых разнообразных позах и в ужасе бегут от него. Фараон, колесница и его лошади просто громадных размеров по сравнению с остальными действующими лицами; кони фараона, пущенные вскачь, много выше неприятельской крепости. На другом — храбрый фараон схватился врукопашную с вражеским военачальником; он его держит за горло и собирается пронзить копьем; одной ногой он наступил на только что сраженного противника. Сети влечет за собой покоренные им народы и несет нескольких побежденных царей под мышкой. Затем покоренные народы сдаются, рубят леса своей страны как бы для того, чтобы открыть победителям свободный вход в нее. Наконец видно, как фараон с триумфом возвращается домой. Его встречают важные сановники государства, народ и, что следует отметить особо, жрецы, склонившись перед ним с выражением подобострастия и удивления. Фараон и тут представлен раз в десять или двадцать больше окружающих его фигур.

Даже в наши дни, когда от золота не осталось и следа, а потускневшие краски сохранились лишь на некоторых капителях колонн, гипостильный зал храма Амона производит неизгладимое впечатление. Сотни тысяч иероглифов, прославляющих царские деяния, покрывают эти окаменевшие тростники, зовут от одной колонны к другой, заставляя поднять голову и посмотреть в бесконечную синеву, куда возносятся колоссальные метелки папирусов.

В последовавшие за падением Нового царства века смут, гражданских войн и иноземных нашествий строительство в Карнаке все равно продолжалось. Более того, цари-чужеземцы считали украшение главного святилища страны своей первостепенной обязанностью, данью уважения величию Египта, на престоле которого они оказались волею судеб.

В IV веке до н. э., во времена правления XXX династии, Карнак переживает последний период своего расцвета. Древняя пристань на берегу искусственного озера, соединенного с Нилом, была расширена. От нее аллея бараноголовых сфинксов вела к гигантскому пилону, воздвигнутого по приказу Нектанеба I, но, к сожалению, не завершеного ввиду нехватки средств и сил. В открывающемся за пилоном Нектанеба первом дворе храма смешиваются эпохи, события и цари:

гигантский колосс Рамсеса Великого, изображенного вместе со своей дочерью-супругой Бент-Анат, стоит здесь рядом с колоннадой нубийского царя Тахарки, а небольшие святилища Сети II и Рамсеса III соседствуют с рельефами, изображающими в одеяниях египетских фараонов царей династии Птолемеев.

Абу-Симбел — великий храм великого фараона

Пещерный храм в Абу-Симбеле фараон Рамсес II приказал соорудить в ознаменование своей победы над хеттами. Поскольку войскам фараона покровительствовали три бога — Амон, Ра и Птах — Рамсес велел изобразить их и себя в фасадных статуях, причем богам придали облик фараона.

Маленькому Рамсесу было всего 8 лет, когда его отец стал фараоном Сети I. Уже в детстве юный царевич выказывал задатки правителя. В десятилетнем возрасте он «командовал» армией, а в 14 лет вместе с отцом участвовал в битве у города Кадеш с племенами хеттов и одержал первую в своей жизни победу.

Рамсес вырос, и отец начал подбирать молодому наследнику гарем. Вскоре его первая

жена, красавица Нефертари, подарила ему сына. В течение 25 лет Нефертари оставалась воплощением очарования, дружелюбия и любви и, как клялся сам фараон, его самым доверенным лицом. Она участвовала наравне с ним в священных шествиях по стране и была рядом во время того, как он вершил государственные дела. Вторая жена, которая заслужила в истории славу наиболее умной из всех жен, Истнофер, тоже родила фараону сына. В общей сложности, в течение десяти лет каждая из них родила не менее пяти сыновей и нескольких дочерей. Другие его жены (а их было то ли две, то ли пять, не считая наложниц) тоже внесли свой вклад в рождение потомства. Любвеобильный Рамсес делил свое ложе и с самыми близкими родственницами. По крайней мере, одна его родная сестра и две дочери состояли с ним в законном браке. А дочь Меритамун после смерти своей матери Нефертари заняла ее место Великой царицы.

Рамсес прославился как великий полководец. Так, в битве при Кадеше, он остановил нашествие хеттов, которые создали державу, равную по силе египетской. Великий воитель, Рамзес также вошел в историю и как великий миротворец. Он заключил первый известный в истории человечества мирный договор: союзом с хеттами (и очередным браком) он утвердил мир на 50 лет.

Но бóльшую часть времени фараон проводил на строительных площадках, следя за возведением гигантских сооружений, задуманных его отцом. Такое пристрастие к колоссальным сооружениям говорило не столько о желании сохранить свое имя на веки вечные, но и о вполне обычном для фараонов стремлении убедить всех в своем божественном происхождении. Кстати, по количеству гигантских сооружений различного назначения Рамсеса никто не сумел превзойти в истории Древнего Египта.

Правление Рамсеса II длилось более 60 лет. Он стал отцом почти 200 детей (по другим источникам — 90), утвердил в своей империи мир и сделал ее процветающей. Рамсес пережил двенадцать своих наследников. Тринадцатый сын, Меренптах, к моменту смерти отца был уже 60-летним.

Пещерный храм фараона Рамсеса II в Абу-Симбеле относится к числу самых известных памятников древнеегипетской культуры. На широкой террасе у входа в храм появились четыре 20-метровые изваяния сидящего на троне фараона¹.

¹ *Абу-Симбел* — единственный в мире пещерный храм, чей фасад сформирован четырьмя огромными сидящими изваяниями. Они не только самые большие в Египте, но вообще принадлежат к числу крупнейших и древнейших в

Между ступнями огромных статуй фараона стоят небольшие, в человеческий рост скульптуры его жены Нефертари. А над входом в храм, в нише, высечен горельеф сокологолового воплощения бога Солнца Гора. У ног Рамсеса — скульптуры членов его многочисленной семьи. Громадные статуи Рамсеса были издали видны всем плывущим по Нилу. Авторами рельефов Большого храма в Абу-Симбеле были фиванские скульпторы Пиаи, Панефер и Хеви.

Мастерам удалось при громадных масштабах статуй, высеченных из твердого песчаника, сохранить портретное сходство. Поражает и восхищает сама техника изготовления фигур таких размеров. Ведь изготовить их можно было, только в совершенстве владея системой пропорций, устанавливающей точные соотношения между размерами фигуры и каждой из ее частей.

Несмотря на то что Большой храм, помимо обожествленного фараона Рамсеса, был посвящен также трем богам, главная идея сооружения — возвеличивание Рамсеса II. Храм расположен таким образом, что первые лучи утреннего солнца падали на четыре высеченные в скале из розового песчаника фигуры и колоссы окрашивались в

темно-красный цвет, резко выделяясь на фоне иссинячерных отбрасываемых ими теней. А два раза в год, 22 февраля и 22 октября, луч солнца проникал через входной портал и освещал коридор длиной 65 метров, ведущий к культовой нише святилища. Ни на секунду не касаясь статуи бога Птаха (во времена Рамсеса Птаха почитали и как владыку подземного царства, где царит тьма), луч на 6 минут задерживался на Амоне и Ра, а затем в течение 12 минут ярко освещал Рамсеса II. Считается, что 22 февраля — день рождения Рамсеса, а 22 октября — день его коронации.

Большой храм состоял из четырех прямоугольных залов. В первый зал впускали всех, во второй — только «благородных», в третий — жрецов. В последний маленький зал входил лишь сам фараон со свитой. Там установлены четыре скульптуры, выполненные по тому же принципу, что и у входа в храм: боги Амон, Ра и Птах с лицами Рамсеса II и сам фараон.

Образ великого фараона господствует в этом храме. Сразу же за дверями, в первом помещении храма, посетителя встречают восемь фигур фараона Рамсеса в облике Осириса, бога производительных сил природы и царя загробного мира. Они стоят по четыре с каждой стороны мощных колонн, поддерживающих потолок. Он покрыт росписями, изображающими небо. В центре помещены

парящие коршуны богини царской власти Нехбет, по сторонам от них звезды. Стены внутренних помещений храма покрывают замечательные росписи и раскрашенные рельефы.

Сюжеты рельефов рассказывают о жизни и подвигах Рамсеса II: вот фараон ведет к богам толпы пленников — белокожих ливийцев и темнокожих нубийцев; вот он убивает своих пленников перед лицом богов. Грандиозные картины повествуют о войне Рамсеса II с хеттами. Особенно замечателен рельеф, изображающий сцены битвы при Кадеше: мчащийся на колеснице фараон резким движением натягивает лук, целясь в перепуганных врагов; пастух поспешно угоняет скот, боясь, что он станет добычей египтян: на стенах вражеской крепости кипит бой, со стен валятся поверженные воины.

Ярусом выше находится композиция «Фараон Рамсес предстоит перед богами». Она резко отличается от «Битвы при Кадеше» — здесь все подчинено вечности. Вся композиция полна сложной ритуальной символики, фигуры подчеркнута торжественны и неподвижны.

Рядом с Большим храмом в скале вырублен храм поменьше. Малый храм Абу-Симбела посвящен богине Хатор. Он намного проще и скромнее, чем Большой, и состоит из высеченных в скалах колонного зала и святилища с тремя

нишами. Фасад Малого храма украшают шесть фигур, выполненных в полный рост. Между статуями фараона Рамсеса II здесь помещены статуи его супруги Нефертари. Скульптуры стоят в глубоких затененных нишах, благодаря чему в лучах солнца создается игра света и тени, усиливающая впечатление от этих монументальных фигур. На одной из колонн Малого храма высечена надпись: «Рамсес, сильный правдой, любимец Амона, создал этой божественное жилище для своей возлюбленной супруги Нефертари». Внутренние помещения храма богато украшены цветными барельефами.

В святилище Малого храма, в центральной нише, стояла статуя священной коровы, в образе которой почиталась богиня Хатор. Перед ней был изображен фараон Рамсес II, находившийся как бы под защитой богини.

С наступлением христианской эры храмы пришли в запустение, их засыпало песками. Лишь в 1813 году на них случайно наткнулся швейцарский путешественник Буркхарт. К началу XX века храмы были полностью очищены. Абу-Симбел, вероятно, самый исследованный памятник Древнего Египта. В конце 1950-х годов, во время строительства Асуанской гидроэлектростанции, Абу-Симбел оказался на территории будущего водохранилища имени президента Насера. Разрабатывались

различные проекты спасения всемирно известного памятника, включая создание подводного стеклянного купола над храмом. Но в результате решили разобрать все сооружения комплекса и перенести их на более высокое место. Эта акция под эгидой ЮНЕСКО была осуществлена за четыре года, и в ней приняли участие специалисты из пятидесяти стран мира.

Храмы Абу-Симбела аккуратно распилили на две тысячи блоков весом по 20–30 тонн. Чтобы камень не крошился, блоки подвергали специальным инъекциям — для отвердевания (этот метод был заимствован у советских специалистов, строивших Асуанскую плотину). Затем храмы перенесли на новое, более высокое место — сейчас они стоят на 64 метра выше и на 180 метров дальше от берега. Когда оба храма осторожно собрали, их накрыли полым железобетонным колпаком, а сверху насыпали холм. Сейчас почти невозможно разглядеть места соединения блоков. Удалось сохранить и ориентацию храма Рамзеса II: лучи солнца дважды в год падают на его скульптуру, только не один, а несколько дней подряд. 22 сентября 1968 года храмы в Абу-Симбеле вновь были открыты для всеобщего обозрения.

Исследователи, изучая памятник во время этих работ, были поражены огромным комплексом знаний, доступных древним зодчим. Эксперты

обнаружили, что линии фасадов Большого и Малого храмов шли параллельно трещинам в скальном грунте и тем самым твердые горные породы служили естественной опорой гигантских статуй. При сооружении пещерного храма зодчие учли природные свойства грунта — слои песчаника в нем скреплялись окисью железа, поэтому пласты почти не разрушались. Кроме того, окись железа обогащала палитру камня, придавая песчанику самые разнообразные оттенки: от красного до розового и лилового.

Сегодня спасенный усилиями многих людей от затопления храм Абу-Симбел стал местом культурного паломничества. Абу-Симбел не только чудо древнеегипетского искусства, это и памятник усилиям людей из пятидесяти стран, которые объединились для его спасения.

Вавилон — мегаполис над Евфратом

Город Вавилон еще в III тысячелетии до н. э. был основан одним из самых таинственных народов мировой истории — шумерами. Тогда это был небольшой городок, не игравший заметной роли в жизни страны, но получивший гордое имя Кадингирра, что по-шумерски значит «Врата божьи».

Вавилон грабили и подчиняли себе цари, сменявшие друг друга в Шумере и Аккаде. Так продолжалось до тех пор, пока город не захватили амореи. Первый царь Вавилона и основатель I Вавилонской династии Сумуабум (1894–1881 гг. до н. э.) возвел стены Вавилона. Население города стало семитским, а не шумерским. Поэтому древнее название города было переведено на семитский язык и стало звучать Баб-или — «Врата божьи», Вавилон.

Тысячелетие спустя Вавилон стал самым знаменитым, самым большим и самым богатым городом Ближнего Востока и всего тогдашнего цивилизованного мира. Он был полон чудес. Все в этом городе вызывало восхищение.

В самом центре Вавилона стоял главный храм города и всей страны — Эсагила («Дом, в котором поднимают голову»), жилище бога Мардука² и его божественного семейства. Его храм имел храмовую башню-зиккурат — знаменитую Вавилонскую башню, Этеменанки — «Дом краеугольного камня неба и земли». Территория Эсагилы представляла собой прямоугольник, ориентированный по вавилонским сторонам света, длиной около 650 и шириной около 450 метров. На западе ее

² Мардук был богом города Вавилона.

ограничивала набережная Евфрата, а на востоке — главная городская улица Айбуршабум — «Дорога процессий». Улица, отходящая от нее под прямым углом и ведущая к мосту через Евфрат, пересекала территорию Эсагилы на две части. Каждую часть окружала стена с медными воротами.

Центральное место в южной части храмовой территории занимало святилище бога Мардука — Нухар. Все его четыре стороны имели ворота; у ворот при царе Нергалшарру-уцуре были поставлены бронзовые изваяния полузмей-полугрифов. В святой святыни храма, по словам Геродота, находилось большое золотое изображение сидящего Мардука. Перед ним стоял большой золотой стол, золотая скамейка и такой же стул. Мраморные стены помещения были украшены золотом и лазуритом, а потолок из кедрового дерева покрыт чистым золотом. На это пошло 800 талантов (около 24 тонн) золота.

В северной части храмовой территории возвышалась Вавилонская башня — Этеменанки. Ступенчатая храмовая башня-зиккурат была в каждом городе Междуречья. Шумеры на своей прародине поклонялись богам на вершинах гор, поэтому, переселившись в низменное Междуречье, они стали возводить искусственные горы-насыпи. Так появились зиккураты, соединявшие, по мнению вавилонян, небеса и землю. Именно так буквально

поняли и истолковали назначение Вавилонской башни пленные иудеи, впервые увидевшие столь грандиозное творение рук человеческих. Эти впечатления описаны в знаменитом отрывке из Книги Бытия о Вавилонском столпотворении:

«На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, (люди) нашли в земле Сеннаар (Междуречье) равнину и поселились там. И сказали друг другу: «Наделаем кирпичей и обожжем огнем». И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: «Построим себе город и башню высотой до небес; и сделаем себе имя, прежде чем рассеемся по лицу всей земли». И сошел Господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. И сказал Господь: «Вот, один народ, и один у всех язык. И вот что они надумали делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там их язык, так чтобы один не понимал речи другого». И рассеял их Господь оттуда по всей земле. И они перестали строить город. Посему дано ему имя «Вавилон», ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт. 11, 1–9).

Зиккураты возводились из земли и кирпича-сырца, а снаружи облицовывались обожженным кирпичом. Шумеры строили их трехступенчатыми — в честь верховной троицы

своего пантеона: бога воздуха Энлиля, бога вод Эа и бога неба Ану. У вавилонян зиккураты имели по семь ступеней, которые окрашивались в разные цвета: черный, белый, пурпурный, синий, ярко-красный, серебряный и золотой.

По описанию Геродота, вавилонский зиккурат Этеменанки выглядел так: «Посреди храма стоит массивная башня, имеющая по одному стadiю (185 метров) в длину и ширину. Над этой башней поставлена другая, над второй третья и так далее до восьмой. Подъем на них сделан снаружи: он идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины подъема, находишь место для отдыха со скамейками: восходящие на башню садятся здесь отдохнуть. На последней башне есть большой храм, а в храме стоит большое прекрасно убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакой статуи, однако, в храме нет. Провести ночь в храме никому не дозволяется, кроме одной только туземной женщины, которую выбирает себе божество. Так рассказывают халдеи, жрецы этого божества. Они же говорят, чему я, однако, не верю, будто божество само посещает храм и отдыхает в постели». Геродот говорил о восьми этажах башни, вероятно, имея в виду семь видимых надземных этажей и восьмой подземный этаж «Кигаллу», невидимый для непосвященных.

Эсагилу разрушил ассирийский царь Синаххериб в 689 году до н. э., а начал восстанавливать царь Асархаддон. Цари Набопаласар и Навуходоносор II перестроили Эсагилу и придали ей небывалую пышность. Высота Этеменанки была доведена до 90 м. Вокруг зиккурата находился широкий двор, окруженный многочисленными помещениями.

К середине IV века до н. э. Эсагила обветшала, и Александр Македонский, избравший Вавилон своей столицей, задумал восстановить эту святыню. Работы начались, однако неожиданная кончина Александра в 323 году до н. э. прервала их. Только в 275 году до н. э. царь Антиох I Сотер восстановил Эсагилу, но ее зиккурат Этеменанки так и не был построен заново. При раскопках нашли лишь его основание.

В северо-западном углу города, между Евфратом, городскими стенами, Дорогой процессий и рвом, продолжением которого служил канал Либильхегалла, пересекавший весь город, стоял царский дворец. Его называли Южным. Он был окружен мощными стенами общей протяженностью 900 м и представлял собой настоящую крепость внутри города. Единственные внешние ворота дворца, укрепленные башнями, находились со стороны Дороги процессий.

Дворец состоял из пяти комплексов, в каждом из них был открытый двор, парадный зал и множество помещений. Дворы соединялись между собой укрепленными воротами, и каждый комплекс представлял собой крепость в крепости. Первый двор и прилегавшие к нему помещения были заняты дворцовой стражей. Вокруг второго двора размещалась резиденция начальника дворца, третьего по рангу придворного вельможи.

Центр дворца занимал самый большой, третий двор (60×55 м). Здесь находилась официальная царская резиденция. На южной стороне двора помещался грандиозный тронный зал длиной 52 м и шириной 17 м, из которого во двор вели три арки — средняя шириной 6 м и две боковые по 4,5 м. В глубине зала, в нише против средней арки, стоял царский трон. Стены зала были облицованы глазурированным кирпичом различных оттенков белого, бирюзового и коричневого цветов, из такого же кирпича выложен орнамент в виде пальмообразных колонн и пальметок. В тронном зале царь устраивал приемы, сюда являлись данники и иноземные послы.

Вокруг четвертого двора размещались личные покои царя, а на пятый двор выходили апартаменты царицы и помещения царского гарема. Для защиты дворца со стороны реки посреди ее русла был

возведен бастион, вплотную примыкавший к стенам дворца с запада.

В северо-восточном углу дворца при раскопках нашли ряд сводчатых помещений с водопроводным устройством, служивших основанием одного из семи чудес древнего мира, прославленных Висячих садов, которые называют также садами Семирамиды. Вавилонский историк Берос, писавший в начале III века до н. э., рассказывал: «При своем дворце [царь Навуходоносор] велел соорудить каменные возвышения, совершенно похожие с виду на горы, обсадил их всевозможными деревьями и устроил так называемый висячий сад из-за желания своей жены, происходившей из Мидии, иметь такую вещь, к которой она привыкла у себя на родине». Семирамидой царицу называли греки, а настоящее имя ее — Шаммурамат. Она жила около 800 года до н. э. После смерти своего мужа, царя Ассирии Шамши-Адада V, она взяла власть в свои руки и правила до тех пор, пока ее сын Адад-Нерари III не достиг совершеннолетия.

Во время ее правления государство укрепилось, а благодаря завоеванию Мидии его границы достигли Каспийского моря. Даже после того как ее сын взшел на трон, она сохраняла за собой титул царицы, и ее имя упоминали в надписях рядом с именем царя.

Однако на самом деле Висячие сады были подарены Навуходоносором II своей жене Амитис, дочери мидийского царя, и произошло это спустя 200 лет после смерти Семирамиды.

Висячие сады представляли собой искусственные террасы на толстых каменных столбах, возвышавшиеся одна над другой на высоту до 50 локтей (25 м). Платформы террас, сложенные из массивных каменных блоков, покрывал тростник, смешанный с асфальтом, затем следовал двойной ряд кирпичей на гипсовом растворе, а поверх него — свинцовые плиты. На это перекрытие насыпали слой земли, достаточный для того, чтобы в нем могли расти большие деревья. Висячие сады были засажены самыми редкими и красивыми растениями. Под террасами помещались беседки и гроты. Один из столбов был полым: в нем находились трубы, по которым с помощью насосов подавалась наверх вода, орошавшая сады ручейками. Сами насосы, качавшие воду из реки, были спрятаны в основании садов и приводились в движение рабами.

Не меньшей достопримечательностью и славой Вавилона являлись его стены — защита и символ его самостоятельности, его святыня. Город был окружен двумя стенами: внутренняя, Великая стена, носила имя Имгур-Эллиль («Услышал бог Эллиль»); внешняя стена, более низкая, Вал,

называлась Немет-Эллиль («Местожителство бога Эллиля»). Обе стены были сложены из кирпича-сырца на асфальте и облицованы обожженным кирпичом. Стена Имгур-Эллиль достигала 6,5 м толщины и имела через каждые 20 метров башни. Вал Немет-Эллиль отстоял от нее на 7,2 м и имел 3,72 м в ширину; через каждые 20,5 м в нем были устроены поперечные прямоугольные башни одинаковых размеров. Высота стен неизвестна, но она была не менее 25 метров. Обе стены и их башни имели зубцы и бойницы. Перед стеной Немет-Эллиль находился ров шириной 12,5 метра. Его стенки были сложены из обожженного кирпича на асфальте. Соединявшийся с Евфратом и наполненный водой ров сплошным кольцом опоясывал весь город.

В вавилонских стенах было восемь ворот. От каждых ворот внутрь города шел прямой и широкий проспект; он вел к одному из храмов города, а за воротами начиналась дорога в тот город, где чтился бог, чье имя носили ворота, проспект и храм в Вавилоне. Девятыми городскими воротами считались Священные ворота Эсагилы в центре города.

Парадным входом Вавилона служили Ворота богини Иштар, облицованные глазурованным кирпичом: по синему фону чередовались цветные изображения могучих быков и драконов Вавилона.

Перед воротами, по обеим сторонам от них, были возведены два мощных замка, между которыми проходила Дорога процессий шириной около 20 метров. Стены замков тоже были облицованы глазурованным кирпичом: по бирюзовому фону цветные изображения львов, пальмообразных колонн и пальметок. Дорога была вымощена плитами розовой брекчии, а обочины — плитами белого ливанского известняка.

Близ Ворот богини Иштар, на Дороге процессий, находился изумительный по красоте храм богини Иштар, а напротив поднимались стены Южного дворца, над которыми возвышались Висячие сады. В замке, стоявшем перед Воротами богини Иштар слева, находился Центральный царский дворец, построенный Навуходоносором II, как гласит предание, за 15 дней. В нем был создан своего рода царский музей, где хранились древние надписи, рельефы, статуи, библиотека, трофеи, добытые вавилонскими царями во время походов, в том числе и в Ассирию.

За пределами городских стен лежали предместья, окруженные мощной внешней стеной. С нее обычно и начиналось знакомство иноземцев с городом. На Геродота и его земляков она произвела ошеломляющее впечатление. Раскопки показали, что толщина внешней стены Вавилона достигала

7,12 метра в толщину и ее украшали прямоугольные башни шириной по 8,37 метра.

Посередине Вавилона протекал Евфрат. В пределах городских стен его левый берег носил священное название Арахту, а правый назывался Пуратту (Евфрат). Ширина реки в Вавилоне достигала 150 метров. Через Евфрат можно было перейти по мосту, постройку которого традиция приписывала царице Нитокрис, супруге царей Навуходоносора II и Набонида. Высокие и прочные набережные, сомкнувшись с городскими стенами, превращали каждую из частей города в неприступную крепость. Помимо постоянного моста, в Вавилоне был и понтонный мост через Евфрат. Городские власти сдавали его в аренду дельцам, которые взимали с проходящих мостовой сбор.

Города с прямыми улицами, пересекавшимися под прямым углом, первыми стали строить именно вавилоняне и ассирийцы. Этот принцип градостроительства в эпоху эллинизма был воспринят греками и римлянами, но забыт в средние века. Европейские градостроители вернулись к нему только в XVIII–XIX столетиях.

В основе планировки Вавилона лежали восемь широких проспектов, каждый из которых вел к городским воротам. К ним примыкали узкие улицы, переулки и тупики, застроенные частными жилыми

домами. Они, конечно, выглядели не так нарядно, как главные улицы, не мостились камнем, но тоже содержались в чистоте и порядке.

Вавилон был великолепен. Однако к началу нашей эры от него остались лишь груды развалин, постепенно превращаемые дождями и ветрами в глиняные холмы...

Кирпичные города долины Инда

В 1856 году на территории нынешнего Пакистана, у небольшой деревушки Хараппа, археолог Александр Каннигам нашел камень цвета слоновой кости, на котором были высечены горбатый бык и неизвестные знаки, отчасти напоминавшие иероглифы. Холм, где обнаружили эту находку, был буквально «сложен» из красного обожженного кирпича, которым много лет пользовались строители железной дороги и крестьяне окрестных деревень. Так постепенно исчезал с лица земли один из уникальных городов древности — Хараппа. А в начале 1920-х годов в другом месте, в долине Ганга, был открыт город Мохенджо-Даро — «Холм мертвых» (так переводится это название). Так мир узнал о том, в долине Инда когда-то существовала неизвестная до сих пор цивилизация.

Легенды и предания о богатом и прекрасном городе в долине Инда существовали с незапамятных времен, они гласили, что свободные и красивые люди, населявшие этот город, прогневали богов и те обрушили город в пропасть.

Между Мохенджо-Даро и Хараппой почти 3000 километров, но оба города имеют много общего. Археологи откапывали улицы этих городов-близнецов и находили в них одинаковые прямоугольные кварталы с четкой планировкой, застроенные одинаковыми кирпичными домами. На огромной площади почти в 260 гектаров в Мохенджо-Даро разместились целые кварталы и отдельные сооружения. Цитадель, располагавшаяся в центре Мохенджо-Даро, когда-то была обнесена мощными крепостными стенами толщиной 9 метров, сложенными из кирпича-сырца и облицованными обожженным кирпичом. От цитадели широкая прямая улица вела к зданию, которое ученые называли «Залом заседаний». Рядом с ним размещалось вместительное зернохранилище, а неподалеку, на массивном кирпичном фундаменте с вентиляционными проемами, когда-то высилось двухэтажное строение из гималайского кедра.

Мохенджо-Даро был прекрасно спланированным городом: все его улицы проходили строго с севера на юг и с востока на запад и были хорошо защищены от ветров. Ни один дом не

выступал за общую линию. Главные улицы, прямые как стрела, пересекались переулками под прямым углом. Углы зданий, стоявших на перекрестках, были закруглены, чтобы на поворотах не зацеплялись повозки. Ширина главной улицы в Мохенджо-Даро составляла 10 метров, по ней одновременно могли проехать несколько воловьих повозок.

За стенами цитадели размещался нижний город, состоявший из кирпичных домов ³ с плоскими крышами, которые одновременно служили и балконами. Дома в Мохенджо-Даро достигали высоты 7,5 метра, вместо окон в них делались вентиляционные отверстия с решетками из глины и алебастра. Чтобы в дом не попадала пыль с главных улиц, вход в него делался в переулке. На первом этаже у большинства зданий не было окон — для защиты от шума, запахов, неприятных соседей и воров. Главная дверь, выходящая на аллею за домом, вела в специальный вестибюль и во внутренний дворик. Вдоль дворика располагались жилые комнаты дома, возможно, с деревянными балконами. Кирпичная лестница вела

³ Дома были в основном одноэтажными, но встречались и двух— и трехэтажные. Здания возводились из кирпича, который обжигался в открытых печах.

на верхние этажи и крышу. Через окна, отделанные деревом, терракотой или алебастром, в дом проникали свет и воздух. В домах были сделанные из кирпича ванны, а грязную воду сливали в глиняные сосуды с маленькими отверстиями для просачивания: эти сосуды ставились на землю. В некоторых больших домах археологи нашли глубокие стенные нишишкафы, но обычно вместо шкафов употреблялись большие глиняные кувшины.

В каждом квартале были общественные колодцы, превосходная для того времени система канализации и водопровод, по которому нагретая солнцем вода подавалась на вторые этажи зданий. В Мохенджо-Даро работала и большая общественная баня с кабинами и детским отделением. Из бани вода вытекала по сточной трубе в главный крытый канал, который проходил по каждой улице. Все каналы вливались в большую яму, находившуюся за городом. Техническим чудом была Большая купальня — огромный кирпичный резервуар внутри гигантского строения. Это был целый общественный комплекс, включавший в себя глубокий бассейн длиной 12 метров, шириной 7 метров и глубиной 2,4 метра, длинные коридоры и множество комнат. Для того чтобы сделать стенки бассейна водонепроницаемыми, древние инженеры построили стену из уложенных с большой

точностью кирпичей, миллиметровые промежутки между которыми заполнили слоем битума.

Большую часть домашней утвари жители Мохенджо-Даро делали из меди или бронзы. Для сельскохозяйственных работ изготавливали лемеха и серпы; для ремесленников — топоры, пилы, лопаты; для воинов — мечи, пики, копья и кинжалы.

По изображениям на печатях, статуэткам можно представить, как выглядели жители древних городов долины Инда. Женщины носили юбки и веерообразный головной убор, в прохладную погоду набрасывали на плечи накидку. Мужчины довольствовались набедренной повязкой. Никто не носил обуви, зато причёске уделялось огромное внимание. Женщины чаще всего просто заплетали косу, зато мужчины делали прямой пробор и связывали волосы лентой, иногда собирали их узлом. Насколько женщины были непритязательны в одежде, настолько взыскательны к украшениям. Они носили серебряные украшения и налобные повязки, пояса из позолоченной бронзы, шпильки для волос с фигурными головками и гребни из слоновой кости. А вот на каком языке они говорили — неизвестно. Письменность хараппской цивилизации до сих пор не расшифрована.

Археологи нашли больше 1000 мест, на которых располагались прекрасно спланированные

города, выстроенные из обожженного кирпича, с похожими по стилю гончарными изделиями и изысканными резными печатями. Развалины этих древних поселений, многие из которых занимали от 0,8 до 2 гектаров, разбросаны по территории около 770 000 км². Ни одна другая цивилизация бронзового века не распространялась на такие огромные пространства.

Цивилизация, создавшая великие города Харappу и Мохенджо-Даро, исчезла в первой половине II тысячелетия до н. э., оставив в истории едва различимый след. Что же случилось с этим древним народом?

Признаки упадка Мохенджо-Даро датируются примерно 1500 годом до н. э.: дома в это время стали строить небрежнее, и в городе уже не было строгой линии улиц. Относительно причин гибели Мохенджо-Даро в ученом мире выдвигалось много различных версий. Еще в XIX веке археологи находили здесь многочисленные высохшие русла и размышляли о том, что же могло вызвать такие частые изменения течения рек. В 1970-х годах съемки Индостана с космического спутника обнаружили свидетельства грандиозных сдвигов в топографии полуострова, возможно, связанные с тектоническими подвижками, вызванными землетрясениями. Примерно во II тысячелетии до н. э. эти глобальные явления постепенно изменили

течение Инда и осушили реку Сарасвати. Эта река, по описанию Вед, была даже больше, чем Инд, и протекала от Гималаев к Аравийскому морю, параллельно Инду, только немного южнее.

Когда Сарасвати высыхала, а Инд менял свое русло, по-видимому, множество городов и селений затоплялось. Другие же, построенные на берегах рек, оставались при этом без воды и путей водного сообщения. Мохенджо-Даро и Хараппа, построенные частично на огромных кирпичных платформах для защиты от потоков, оказались хорошо защищены от больших физических разрушений. Сюда устремились обитатели других мест, плотность населения в этих городах резко возросла. Земледелие страдало от уставших почв и от постоянных затоплений. Очевидно, было очень трудно поддерживать земледелие на высоком уровне при столь быстром росте населения.

Пришедшие в Индию племена ариев застали здесь уже угасающую цивилизацию. Падение Мохенджо-Даро и Хараппы происходило в течение длительного времени. Период ухудшения длился, как показывают раскопки, несколько столетий. И возможно, главную роль в этом сыграл обожженный кирпич. Для обжига миллионов кирпичей, из которых построены Мохенджо-Даро и Хараппа, требовалось много топлива. Самое дешевое — дерево. 5000 лет назад долина Инда

была покрыта могучими лесами. Затем пришли градостроители и начали вырубать деревья, превращая их в дрова. Тысячелетия пылали угли, а леса редели. Строители скорее всего сами и превратили долину в пустыню. А медленные климатические изменения, возможно, ускорили этот процесс.

Дворец-лабиринт

Однажды бог морских глубин Посейдон послал Миносу белого красавца-быка, чтобы тот принес его в жертву. Минос же нарушил обет, данный своему покровителю, и тогда рассерженный Посейдон околдовал жену Миноса Пасифаю, заставив ее влюбиться в злополучного быка. Плод этой роковой и порочной страсти — Минотавр, получеловек-полубык — стал проклятьем и позором царя Миноса. Желая спрятать Минотавра от глаз людских, Минос поручил Дедалу, знаменитому афинскому мастеру, жившему на Крите в изгнании, построить дворец со сложнейшими переходами, известный нам как Лабиринт.

Остров Крит давно привлекал внимание образованных европейских путешественников. Но первые археологические исследования были

проведены здесь лишь в 1876 году. Местный житель, тезка критского царя Минос Калокеринос, раскопал неподалеку от города Гераклиона часть огромного здания. Найденные в земле предметы Калокеринос хранил в здании британского консульства в Кандии, где работал переводчиком. Спустя пять лет американский ученый Уильям Стилмен «опознал» в этом здании знаменитый кносский Лабиринт. Коллекция удачливого грека привлекла внимание археологов, но, заметив возросший интерес к раскопкам, турецкие хозяева Кносса резко подняли цену на землю — все работы пришлось прервать на неопределенный срок.

Раскопками на Крите собирался заняться сам Генрих Шлиман. Денег у него было предостаточно, и он немедленно заключил договор о покупке территории Кносса, включая все, что на ней находилось. Но в последний момент Шлиман разорвал договор о покупке, так как обнаружил, что недобросовестный продавец попытался его обмануть — вместо оговоренных 2500 оливковых деревьев на участке оказалось всего 888. Коммерсант в Шлимане победил. Из-за 1612 оливковых деревьев он лишил себя звания первооткрывателя новой, ранее неизвестной цивилизации, в существовании которой не сомневался.

С 1884 года на южном побережье Крита начала работать экспедиция итальянских археологов. Ее участники сделали немало важных открытий в Гортине. В Фесте и соседней Агиа-Триаде были раскопаны дворцы фестских владык. Но все это были единичные находки, пусть даже и замечательные. Они мало что говорили о грозной морской державе греческих мифов.

Настоящим первооткрывателем критской цивилизации стал Артур Эванс, сын сэра Джона Эванса, известного своими работами в области первобытной археологии. Артур Эванс учился в Хирроу, Оксфорде и Геттингене. В 1884 году стал хранителем Эшмолейского музея в Оксфорде. Его интересовали монеты, печати и иероглифы.

Эванс приехал на Крит в 1894-м, будучи уже не просто увлеченным археологией иностранцем, но опытным историком и журналистом, прошедшим на Балканах жесткую школу общения с турецкими властями. Как и Шлиман, он познакомился с коллекцией Калокериноса, спустя 4 года вся она сгорела вместе с британским консульством. На миниатюрных халцедоновых печатях близорукие глаза Эванса различили значки ранее нигде не встречавшегося письма.

Эванс купил участок на Крите, на который когда-то претендовал Шлиман, и 24 марта 1900 года приступил к раскопкам. В первые же дни

археологи обнаружили остатки строения площадью в два с половиной гектара. Вскоре Эванс заявил, что найден Лабиринт — дворец Минотавра, а открытую цивилизацию назвал по имени ее мифического правителя минойской.

Лабиринт раскапывался с головокружительной для археологии скоростью. Десятки тысяч найденных предметов лежали на складах — разобраться со всеми этими сокровищами у Эванса не доставало ни сил, ни времени. Большинство находок исчезло, на оставшихся крысы и насекомые съели этикетки, но в годы раскопок Эванс мало думал о будущем. Он не вывозил сделанные находки за пределы Греции: бесценные шедевры древнего искусства остались в музеях Крита и Афин. Эванс тратил громадные личные средства на расширение и благоустройство раскопок, пытаясь соединить в Кноссе археологическую ценность с туристической привлекательностью. Он умер в 1935 году, в почтенном возрасте, завершив фундаментальный 4-томный труд «Дворец Миноса» и предъявив человечеству удивительную культуру, которую собственноручно извлек из исторического небытия.

Облик дворца-Лабиринта вполне оправдывал тот миф, который сложился вокруг него. Это было колоссальное сооружение общей площадью 22 тыс. м², имевшее как минимум 5–6 надземных

уровней-этажей, соединенных проходами и лестницами, и целый ряд подземных склепов, количество помещений в нем достигало тысячи.

На первый взгляд план этот поражает архитектурным хаосом — столь причудливо лепятся друг к другу бесчисленные комнаты, залы, переходы, дворики Лабиринта. Но в основе этого создаваемого почти тринадцать столетий хаоса лежал единый замысел, которому следовали из поколения в поколение все критские зодчие. Коридоры и переходы Кносского дворца изогнуты, перспективу их невозможно охватить взглядом с одного места — она открывается только в движении. Здесь нет привычных дворцовых анфилад — комнат и залов, нанизанных на единую ось: помещения дворца как бы заходят друг за друга, и взгляду каждый раз неожиданно открываются все новые и новые «пространственные формы». Да и сам дворец не представлял собой единый объем. В отличие от дворцов Вавилона и Ассирии, отгороженных от города стенами и пустотой дворцовой площади, стоящих так, чтобы человек мог единым взглядом охватить их, Лабиринт как бы являлся непосредственным продолжением хитросплетения кривых улочек города. Критский дворец нельзя было воспринять сразу, «движение» его внешних стен было столь же

прихотливо и неожиданно, как и внутренних покоев.

Центром дворца был Тронный зал. С трех сторон в этой комнате у стен стояли каменные лавки, а возле обращенной на север стены находился высокий алебастровый трон — трон правителя Крита. Трон опирался на высеченные из камня стебли какого-то растения, связанные в узел и образующие дугу. На стене по бокам трона — изображения грифонов, между ними — гибкие стебли и цветы папируса.

Стены залов дворца были покрыты великолепными фресками, краски которых остались спустя тысячелетия яркими и свежими. Среди многочисленных фресок, скульптур, рельефов изображены беседы изящных женщин с изнеженными мужчинами, животные и птицы, морская флора и фауна. Но один образ встречается с удивительным постоянством — бык. Он изображался в скульптурах и на фресках, на сосудах, кольцах и в мелкой пластике, на изделиях из слоновой кости, глины, золота, серебра и бронзы. Сосуды для религиозных возлияний изготовлялись в виде бычьих голов, алтари украшались жертвенными рогами. А на одной из стен Кносского дворца Эванс увидел фреску: две девушки и юноша играют с разъяренным быком — юноша, на мгновение опередив движение быка,

опершись на его рога, делает стойку над бычьей головой.

Что это — изображение простой игры, гимнастических упражнений критян? А может быть, документальное, летописное свидетельство того, о чем рассказывал миф о Минотавре? Может быть, действительно существовал на Крите религиозный обряд, во время которого дикому священному быку бросали на растерзание афинских юношей и девушек? Согласно легенде, царь Крита Минос решил отомстить за гибель своего сына. Он потребовал с жителей Афин ежегодную дань в виде семи юношей и семи девушек. Жертвы отдавались на съедение человеку-быку. Но, как известно, славный герой Тесей с помощью дочери Миноса Ариадны победил чудовище. Миф о Минотавре, возможно, вымысел, но как объяснить найденные в результате раскопок кости 372 человек? Останки были обнаружены в огромных сосудах. Они находились в подвале одного из зданий дворца. Ученые предполагают, что жертвам было примерно от 10 до 15 лет. Самое поразительное, что кости имеют такой вид, как будто их готовили для употребления в пищу. Есть мнение, что это те самые девушки и юноши, которые прыгали через быка. Но кто ел этих невинных созданий — бык или сами жители дворца, — остается загадкой.

Некоторые ученые предполагают, что роль Минотавра мог играть сам правитель минойской державы. Во время ритуала правитель Кносса сидел в окружении своих придворных с маской священного быка на лице. И вот однажды, когда прибыл корабль из Афин с очередными жертвами, его дочь Ариадна увидела среди обреченных прекрасного юношу по имени Тесей и, полюбив его, тайком проникла в темницу, где юные афиняне ожидали начала ритуала, дала ему меч и объяснила, как пробраться в покои отца. Изнеженные мужчины Кносса не могли преградить дороги Тесею. Ударами меча он расчистил себе дорогу к Минотавру — царю Миносу.

Другой древний город острова не оставил о себе страшных легенд, но именно в развалинах Феста ученые обнаружили загадочный глиняный диск с древними письменами. Надпись на диске не вырезана, она сделана с помощью 45 различных штампов и закручивается в виде спирали. На каком только языке ее не пытались прочесть, даже на русском. Некоторые исследователи полагают, что это древний навигационный прибор, другие — что это послание атлантов. Но текст до сих пор не расшифрован. Может быть, разгадка таинственного послания древних критян прольет свет на то, какими были жители острова, создавшие эту уникальную культуру.

Со временем критская держава поднялась едва ли не до уровня такого колосса Древнего мира, как Египет. Изделия критских мастеров археологи находят в долине Тигра и Евфрата, в Пиренеях, на севере Балканского полуострова, в Египте. На фреске гробницы одного из приближенных фараона Тутмоса III изображено торжественное прибытие послов Крита, а древнее название Крита — Кефтиу — часто встречается в «деловых» египетских папирусах. Казалось бы, ничто в то время не могло даже поколебать могущество Крита.

Однако около трех тысяч лет назад в Средиземном море произошла сильнейшая за всю историю человечества катастрофа. Взрыв вулкана Санторин породил гигантскую волну высотой несколько сот метров. Цунами сметало все на своем пути. Сильное землетрясение, сопровождавшее его, довершило варварское шествие стихии. Это был триумф природы над человечеством. В развалины превращаются города Кносс, Фест, Агия-Триада, Палекастро, Гурния. Вулкан уничтожил одну из самых древних цивилизаций Средиземноморья — цивилизацию острова Крит.

После катастрофы на опустошенную землю пришли переселенцы. Они-то и стали прародителями современных критян. Что же касается коренного населения острова, то его

существование долгое время воспринималось как миф или легенда.

На Крите в разные времена жили греки, римляне, византийцы, венецианцы, турки; все они оставили тут свой след — маленькие церкви первых веков, монастыри. На острове сложилась знаменитая критская иконописная школа. Крит — родина великого живописца Эль Греко (звали его Доменикос Теотокопулос). Эль Греко родился в то время, когда остров принадлежал Венеции. Венецианские памятники — маленькие гавани, маленькие многоэтажные дома с балкончиками, маленькая биржа, арсенал, крепость. Все это сохранилось в городах Ханья, Ретимно, Ираклион. Кроме Эль Греко Крит знаменит другими своими уроженцами: писателем Никосом Казандакисом, автором «Последнего искушения Христа» и «Грека Зорбы», в экранизации которого критянин композитор Микис Теодоракис прославил танец сиртаки, и поэтом Одиссеасом Элитисом, лауреатом Нобелевской премии.

Чтобы уберечь стены дворца от губительного воздействия солнца и дождя, Эванс, не задумываясь, укреплял их бетоном; те стены, что казались более поздними, ломал, другие надстраивал, формируя его облик в соответствии со своими представлениями. Он, конечно, открыл Кносс, но теперь никто не знает, каким был

Лабиринт на самом деле. Находки, сделанные Эвансом, бесценны: остатки фресок с изображениями людей, праздников, ритуальных игр; фаянсовые статуэтки, золотые украшения тончайшей работы — все это настоящие шедевры искусства, которому почти четыре тысячи лет. И они остались на Крите, в Греции — только за одно это Эвансу стоило поставить памятник. Но многое исчезло и унесло с собой одну из главных тайн Кносса — тайну царя Миноса. Ведь никто — ни Эванс, ни его последователи — не смог установить, существовал ли на самом деле легендарный царь.

Троя — город из легенды

Изучая мифы и историю античной Греции, нетрудно убедиться, что бóльшая часть описанных в них событий происходила не в Европе, а на противоположном берегу Эгейского моря — на территории современной Турции. К югу от Дарданелл, древнего Гелеспонта, лежат руины легендарного города. Они влекут к себе множество путешественников, так как сами названия Троя и Троянская война вызывают в воображении героев эпоса Гомера, от которого ведет отсчет история европейской литературы.

Сейчас Троя, или холм Гиссарлык, возвышается среди кукурузных полей в 5 километрах от берега моря. Мифы рассказывают, что город был основан по указанию оракула. Фригийский царь дал Илу пеструю корову и сказал, чтобы он основал город там, где корова ляжет отдохнуть. Это произошло на холме, который раньше назывался Ата, в честь богини безумия Ате, низвергнутой Зевсом с Олимпа.

Ил основал город, и Зевс дал ему знак, что Ил поступил правильно — низвергнул с неба статую Паллады, в правой руке держащей копье, а в левой — веретено и прялку. Так по легенде родилась Троя.

В XII веке до н. э. на восточной стороне Гелеспонта стоял укрепленный город Троя. В VIII–VII веках до н. э. — почти через 500 лет — Гомер сочинил романтическую историю о том, как Парис соблазнил жену спартанского царя Менелая Елену. Бросив мужа и захватив все драгоценности, Елена сбежала с любовником. Чтобы вернуть красавицу, отправилась флотилия из 1200 судов. Но ахейцам не удалось проникнуть в крепость с «наскока» — после девяти лет бесплодной осады они додумались наконец соорудить своего знаменитого деревянного коня.

В XIX веке Европа заново открывала для себя античность. Гомеровские поэмы были хорошо

знакомы и многими образованными европейцами воспринимались как повествования о временах морального величия и благородных стремлений. Но вот об историчности гомеровского эпоса почти не задумывались — миф он и есть миф. Сомнения в существовании самой Трои были развеяны человеком по имени Генрих Шлиман. Он располагал и временем, и средствами, чтобы удовлетворить не только свое любопытство, но и развеять многовековые сомнения множества ученых.

Шлиман родился в 1822 году в небольшом селении в немецкой земле Мекленбург в семье сельского пастора. В предисловии к своей книге, посвященной острову Итака, Шлиман вспоминал: «Когда я в 1832 году в десятилетнем возрасте преподнес отцу в качестве рождественского подарка свое собственное изложение основных событий Троянской войны и приключений Одиссея и Агамемнона, я не предполагал, что тридцать шесть лет спустя, после того как мне посчастливится собственными глазами увидеть места, где разворачивались военные действия, и посетить отчизну героев, чьи имена благодаря Гомеру стали бессмертными, я предложу вниманию публики целый труд, посвященный этой теме».

Со временем Шлиман стал преуспевающим бизнесменом. В Крымскую войну он завладел

рынком пороховой селитры, подкупал золотоискателей во время золотой лихорадки в Калифорнии и вел дела с хлопком в годы Гражданской войны в Америке — по крайней мере, так рассказывает он сам. В конце 1850-х годов ему захотелось переключиться с деловой карьеры на более интеллектуальные цели, чтобы добиться респектабельности. Вначале он надеялся посвятить себя сельскому хозяйству. Когда ничего не получилось, Шлиман пожелал обратиться к другой деятельности, возможно, в области филологии, но вскоре был обескуражен. «Слишком поздно для меня начинать научную карьеру», — писал он. Дело решил случай. Подобно многим европейцам XIX века, Шлиман знал Гомера и любил его поэмы, но только посещение Греции и Трои летом 1868 года подтолкнуло его к занятиям археологией.

В 1870 году Шлиман высадился на пустынном берегу в Малой Азии. Трудно было поверить, что здесь несколько тысяч лет назад кипела жизнь, росли сады и возвышались храмы. Три года потратил немец, исследуя маленький пяточок земли у морского берега. Он начал раскопки у Гиссарлыка, но они так и не дали результатов. Он находил, конечно, фрагменты стен, архитектурные детали, керамику, но все это было не то. Шлиман жаждал более весомых доказательств того, что это та самая богатая Троя, под стенами которой

сражались герои в золотых доспехах. Но все его усилия, казалось, были потрачены напрасно. И только 14 июня 1873 года, в последний день раскопок, когда Шлиман в отчаянии уже решил возвратиться в Европу, случилось то, чего он так долго ждал. Утром на глубине 28 футов была обнаружена стена, которую немец посчитал стеной дворца царя Приама. Шлиман спустился в раскоп, и его внимание привлек небольшой предмет. Он позвал жену и приказал ей распустить рабочих. Потом он напишет: «В величайшей спешке, напрягая все силы, рискуя жизнью, ибо большая крепостная стена, которую я подкапывал, могла в любую минуту похоронить меня под собой, я с помощью большого ножа раскопал клад».

Так Шлиман обнаружил сокровища, известные под названием «Клад царя Приама». Он состоял из медных подносов и котлов, внутри которых находились чаши из золота, серебра, сплава золота и серебра («электрона») и бронзы, золотого «соусника», ваз, тринадцати медных наконечников копий. Самой замечательной частью клада были несколько тысяч золотых колец и украшений из золота: браслеты, головной обруч, четыре сережки и две роскошных диадемы, одна из которых состояла из более чем 16 000 крохотных золотых деталек, соединенных золотой нитью. Это украшение, ставшее известным под названием

«сокровища Елены», украсило голову Софии Шлиман — снимок, ставший одним из самых знаменитых в XIX веке.

«Клад царя Приама» Шлиман умудрился контрабандно переправить в ящиках из-под фруктов в Германию. Часть сокровищ все же осталась в Турции — это были предметы, похищенные местными рабочими.

Шлиман предоставил находки для экспертизы германским ученым. Он предъявлял их на родине как доказательство своей правоты: «Я нашел ту самую Трои!» Однако ученые мужи были сильно смущены увиденным. Для них казалось очевидным, что многие вещи из клада принадлежат к различным эпохам. Ученые заподозрили Шлимана в том, что к настоящим сокровищам, найденным в Трое, им были добавлены находки из других обнаруженных им кладов, ибо Шлиман признавал: «Мой самый большой недостаток, что я хвастун и обманщик...» Склонный к гиперболе, бахвальству и часто явной лжи, Шлиман являл собой удивительный парадокс: в одном лице существовали «отец археологии» и рассказчик небылиц.

Все, что нам известно о жизни Шлимана, он сообщил сам в своих книгах. Поэтому читателю, восхищающемуся замечательной историей одного из самых необычайных людей XIX века, нужно с

осторожностью отнести к мифу, сочиненному Шлиманом о себе, который так охотно принял весь мир.

Шлиман не был археологом даже в понимании XIX века, когда археология только становилась наукой. Часто он делал не только ошибочные, но и просто наивные выводы из своих находок. Например, раскапывая стены Трои, он увидел, что в одном месте две стены идут параллельно друг другу. Это можно было объяснить по-разному: тем, что при перестройке стену провели на новом месте, рядом с прежней, или что здесь понадобилось особенно сильное укрепление. Но Шлиман думал только об одном: доказать всему миру, что каждое слово Гомера — чистая правда. В «Илиаде» говорится о Скейских воротах Трои, над которыми возвышалась такая широкая башня, что ее крыша служила площадкой, с которой Приам, троянские старцы и Елена могли видеть греческих воинов. Шлиман сразу же предположил, что две параллельные стены — это стены той самой Скейской башни, с которой Елена смотрела на сражение. Когда был раскопан большой троянский клад, Шлиман решил, что это сокровищница во дворце царя Приама и что найденные здесь диадемы (короны) — это короны Елены. В этих же развалинах были найдены короткие каменные ножи. Именно на основании

этих находок впоследствии ученые решили, что эти развалины — развалины не гомеровской Трои, а гораздо более древнего города: ведь во время похода на Трою, как мы знаем из рассказов Гомера, оружие делалось не из камня, а из бронзы. Это в первый момент затруднило и Шлимана, но его слепая вера в то, что он нашел дворец Приама, заставила его написать такие строки: «Было бы очень непоэтично, если бы у Гомера герои дрались маленькими каменными ножами, поэтому Гомер об этом умолчал».

Шлиману была присуща наивная вера в историческую точность преданий. Но она стала не только причиной его ошибок и заблуждений. Без нее он вряд ли сделал бы свои замечательные открытия. Сегодня уже нет сомнений в том, что Шлиман обнаружил под Гиссарлыком именно легендарный город. Этим он доказал: если искренне верить великим текстам Гомера, то из мрака истории обязательно восстают стены Трои.

За 100 лет раскопок здесь было обнаружено десять культурных слоев — от Трои I до Трои X. Самое древнее поселение было основано примерно в 3600 году до н. э., на звание же «гомеровской» претендуют Троя VI, разрушенная землетрясением, и Троя VII, сожженная примерно в 1250 году до н. э. Лучшее всего сохранились восточные стены с воротами в шестом городе: длина стен около 300

метров, толщина около четырех, в высоту они достигают пяти метров.

От периода, названного Троя I, сохранилось две башни, некогда образывавшие ворота: от Трои II, более обширного и развитого периода, — пандус, выложенный плитами и, как думал Шлиман, скрывший сокровища троянского царя Приама. Трои III и IV (2500–2000 гг. до н. э.) не дали больших открытий (раскопаны остатки нескольких домов и улиц), так же как и Троя V (ок. 1900 г. до н. э.). Троя VI была расцветом этого беспокойного города, и ей принадлежит пространство в 200 метров диаметром с мощными стенами, длиной 90 и шириной 6 метров. Ее жители успешно торговали с греческими городами, но около 1300 года до н. э. сильное землетрясение опустошило всю местность. Троя VII-а, по мнению ученых, — это та самая Троя, что воспета Гомером.

По утверждениям историков, 1184 год до н. э. считается годом ее падения, когда греки взяли город и сожгли его. Затем поселение оживо благодаря переселенцам с Балкан (Троя VII-b), за чем последовал очередной упадок. Во времена Трои VIII (ок. 700 до н. э.) жизнь опять возродилась — благодаря греческим колонистам, поставившим здесь храм Афины. После персидского владычества Трою, названную теперь Новый Илион, отбил полководец Лисимах. Процветающая Троя IX

относится к эпохе Римской империи, когда тут останавливались Август и Каракалла. С приходом христианства здесь учредилась епископская кафедра, но, захваченная турками, Троя опять была предана забвению.

Делос — остров Аполлона

Киклады — это необычайно живописный район Греции. Он находится посередине Эгейского моря и включает около 2200 островов, островков и морских скал. Обитаемы из них только 33. Все вместе эти острова составляют своеобразный круг вокруг Делоса — острова, посвященного Аполлону. И, действительно, богу Солнца может принадлежать только такая земля, как Киклады, где столько солнечного света.

На этих островах люди жили с эпохи неолита. Время расцвета приходится на III тысячелетие до н. э., когда на островах существовала знаменитая кикладская культура — цивилизация еще более древняя, чем минойская. Критяне установили свое владычество над Кикладами во II тысячелетии до н. э., основав колонии на Мелосе и Санторине. Вслед за минойцами около 1450 года до н. э. пришли микенцы, а около 1100 года до н. э. — дорийцы. Ионийцы появились здесь сюда в X веке до н. э., а в VII веке до н. э. они создали

религиозное объединение, центром которого стал остров Делос. В 490 году до н. э. на Киклады обрушилось персидское нашествие, а затем островами владели поочередно македоняне, родосцы и римляне. Византийская эпоха началась здесь в 395 году н. э. и продолжалась около 800 лет. В этот период на островах были построены старинные византийские церкви. Владычество Византии было слабым, в этот период острова поочередно захватывали готы, славяне, норманны, подолгу на них хозяйничали морские пираты. В 1204 году Киклады на 300 лет захватили венецианцы. Они построили сохранившиеся до сих пор замки и крепости. А с 1537 года на островах властвовали турки. Впоследствии большинство из Кикладских островов приняли участие в национально-освободительной войне против турецкого ига. В 1832 году Киклады воссоединились с Грецией.

Делос, главный остров Киклад, один из самых маленьких по размеру, но он является одним из самых значимых греческих островов. Согласно мифам, он появился, когда Посейдон выхватил своим трезубцем комки земли со дна моря, и сначала был плавающим островом. Именно на Делосе титанида Лето, дочь Коя и Фебы, произвела на свет детей самого Зевса.

А произошло это не потому, что божественная жена Зевса, Гера, всеми силами препятствовала рождению детей ее неверного мужа. Супруга верховного бога строжайше запретила земной тверди оказывать роженице гостеприимство. Гонимая Герой, Лето нигде не могла найти пристанища. Лишь голый клочок земли в Эгейском море, бегущий по воде бесплодный остров, приютил Лето. В благодарность титанида пообещала, что ее сын, лучезарный бог Аполлон, построит здесь свой храм и прославит остров.

Целых девять дней несчастная Лето не могла разрешиться от бремени. Страдая от невыносимых предродовых схваток, от тяжести своего божественного чрева, титанида умоляла собравшихся на Делосе олимпийских богинь помочь ей. Они же не смели гневить ревнивую Геру. Наконец посланница богов, легкокрылая Ирида, уговорила Геру отпустить на остров Илифию, покровительницу родов. Тогда Лето встала на колени, обхватила руками ствол финикового дерева и родила сначала Артемиду, а затем Аполлона. Вмиг ослепительный свет залил остров, белоснежные лебеди семь раз облетели его, и в воздухе зазвучала божественная музыка. Миф гласит, что с тех пор остров перестал двигаться по волнам и явился во всей своей красоте, за что был назван Делосом, то есть новоявленным.

Удерживают же этот кусочек суши на месте уходящие в морскую пучину колонны, закрепленные толстыми цепями.

Греки свято чтили Аполлона и Артемиду. На острове в их честь было воздвигнуто множество святилищ, а со временем и сам остров стал священным местом. Ежегодно в честь Аполлона здесь проводились спортивные состязания и фестиваль искусств. К 700 году до н. э. Делос превратился в настоящий центр паломничества. Слава острова была настолько велика, что даже враги эллинов не смели грабить обитель Аполлона: во время греко-персидских войн в V веке до н. э. персы не только не тронули Делос, но еще и принесли богатые жертвы одному из самых почитаемых греческих богов.

После греко-персидских войн остров стал центром Делосского союза. В него вошли приморские и островные греческие государства, которые должны были выставлять в союзный флот корабли, оснащенные и экипированные, или платить денежные взносы — форо́с. На острове хранилась союзная казна, но заведовали ею афинские должностные лица.

Во второй половине VI века до н. э. правивший в Афинах тиран Писистрат приказал убрать все захоронения с той части острова, которая была видна от храма, чтобы не осквернять

священную землю. Человеческие останки вместе с заупокойными дарами из могил были перенесены на ближний, более крупный остров Рения, и захоронены в общей могиле, где их позже обнаружили археологи. Повторное «очищение» острова было проведено афинянами в 426 году до н. э., и тогда же был издан закон, которым на Делосе запрещалось рожать и умирать. После отпадения от Афин делосцы отдались под покровительство спартанцев.

Особенно пышно расцвел остров в 146 году до н. э., после того как римские завоеватели в отместку жителям Родоса объявили Делос свободным от пошлин портом. С этого момента остров приобрел статус столицы торговли в Эгейском море. Богатые торговцы и судовладельцы стали стекаться туда со всех уголков Средиземноморья: из Греции и Италии, из Египта и Палестины, из Сирии и Малой Азии, за ними на остров Аполлона приезжали зодчие, актеры, поэты, художники. На священном острове среди храмовых колонн вырастали роскошные виллы, украшенные мозаикой и росписью.

Древние постройки на острове раскинулись на громадной территории. Самая известная из них — Терраса львов, которые охраняют Священное озеро, где, по преданию, родился бог Аполлон. В VII веке до н. э. здесь стояли девять мраморных львов,

подаренных жителями Наксоса. Пять статуй, которые были найдены при раскопках, возвращены на постаменты, шестую увезли в Венецию еще в XVII веке. Оригиналы находятся в музее, а высушенное озеро стерегут их копии в натуральную величину.

С северо-востока храм Аполлона окружали выстроенные по дуге пять небольших зданий (вероятно, сокровищницы, где хранились приношения). Здесь же располагался особый священный участок Артемиды, храм которой построили во II веке до н. э. над более древним святилищем. Рядом с храмом находилась могила двух гиперборейских (северных) дев. Согласно мифу, дев было четыре; они пришли на остров из северных краев, чтобы помочь Лето при родах, и остались на острове в качестве первых жриц.

Осенью 1946 года на территории храма Аполлона был найден клад изделий из золота, слоновой кости и бронзы, в котором находились предметы микенской эпохи (1400–1200 гг. до н. э.). Это самые древние из сделанных на Делосе находок, связанных со святилищем.

К востоку от храма Аполлона расположено длинное здание необычной архитектуры, именуемое «портиком Быков», а вдоль северной стороны священного участка высится длинная колоннада, построенная одним из македонских

царей. Между озером и гаванью около 210 года до н. э. была возведена уникальная многоколонная базилика. Еще дальше от озера на север — развалины стадиона и гимнасия. К югу от священного участка располагаются жилые кварталы. Некоторые дома были украшены прекрасными мозаиками и росписями, многие из них сохранились, например, мозаики в Доме дельфинов и мозаика, изображающая Диониса. На южной окраине района в начале III века до н. э. был выстроен театр под открытым небом. Амфитеатр превратился в развалины, но хорошо сохранилась окружающая его мраморная стена, а фундамент сцены и оркестры позволяет восстановить первоначальный план здания.

Высшая точка острова — гора Кинф (112 метров), возвышающаяся к юго-востоку, на ее вершине было святилище Зевса и Афины. Ниже — священный грот со сводом из крупных гранитных блоков. Вероятно, здесь было древнее святилище Аполлона, восстановленное в III веке до н. э.

На западном склоне горы — святилища иноземных богов, основанные торговцами из различных стран Средиземноморья. Рядом с посвященными греческим богам храмами выходцы из Палестины построили на Делосе первую за пределами родины синагогу, а египтяне и сирийцы возвели святилища египетских божеств Изиды,

Сераписа и Анубиса, сирийской Астарты, семитского Ваала, было и святилище Кабирион, посвященное мистериальному культу самофракийских богов. Остров Аполлона говорил на многих языках и диалектах, и его можно было сравнить с великим Вавилоном, ведь в период расцвета, во II веке до н. э., на Делосе жили около двадцати пяти тысяч человек.

В 88 году до н. э. понтийский царь Митридат, воевавший против Рима, разрушил цветущий Делос. К I веку от былой славы Делоса осталась лишь ослепительная белизна его разрушенных храмов.

Делос не знал катастроф. Люди сами покинули город и остров с приходом христианства. Тогда Делос, будучи крупным языческим центром, стал в глазах первых христиан местом непригодным для жизни. Именно поэтому сегодня на Делосе очень много сохранившихся античных памятников.

В VI веке последние жители окончательно покинули остров, и уже в VIII веке Делос даже не упоминался в каталоге кикладских островов.

Священная скала

Афинский Акрополь, называемый также Священной скалой, — это холм из известнякового монолита, размеры которого у основания

составляют 330 × 170 метров; его высота — 156 метров над уровнем моря, но над окружающей местностью он возвышается всего на 50 метров. Этот холм с обрывистыми, почти отвесными склонами с многочисленными источниками и глубокими гротами давал надежное и удобное убежище первым людям, обосновавшимся здесь в эпоху неолита, около 3500 года до н. э.

Раскопки, проводившиеся с 30-х годов позапрошлого века, восстановили историю скалы с тех пор, как на ней поселились самые древние ее обитатели, и до V века до н. э., когда здесь были возведены дошедшие до нас памятники архитектуры.

Первые здания здесь выросли в 1050—700 годах до н. э. В VI веке до н. э. два больших храма были посвящены богине Афине: Гекатомпедон («Стофутовый», так как длина его составляла сто аттических футов), возведенный на том месте, где теперь находится Парфенон, и древнее святилище, фундамент которого сохранился к югу от Эрехтейона. Другие сооружения, меньшего размера, возникали там и сям на вершине, окруженной «циклопической» стеной, восходящей к микенской эпохе (XII в. до н. э.). В 556 году до н. э. верхняя часть микенской башни, защищавшей вход в цитадель, была снесена и на ее месте

воздвигли первое святилище Афины-Ники. После победы афинян при Марафоне (490 г. до н. э.) Гекатомпедон был снесен и на этом месте вырос первый мраморный Парфенон. Одновременно был сооружен и монументальный портик со множеством ворот, замененный потом нынешними Пропилеями.

Такое внушительное зрелище являл собой Акрополь в 480 году до н. э., когда его захватили и разрушили персы. После побед у Саламина и при Платее (479 г. до н. э.) афиняне прежде всего занялись укреплением обороны города и перестройкой разрушенных храмов. Эти работы завершил во второй половине V века Перикл.

Авторами проекта нового храма, воздвигнутого в честь Афины-Парфенос (Афины-Девы) и поэтому названного Парфеноном (447–432 гг. до н. э.), были Иктин и Калликрат, а скульптуры для святилища в нем создал великий Фидий. Позднее, но по-прежнему в соответствии с первоначальной планировкой, на месте старого храма Афины возвели элегантный храм ионического ордера Эрехтейон (421–406 гг. до н. э.). Хотя это здание скромных размеров было посвящено Афине-Палладе, покровительнице города, афиняне сделали невозможное — этот храм стал общегреческой святыней. Особенную известность приобрела изящная лоджия, где шесть

кариатид поддерживают перекрытие портика, ничуть не утрачивая своей грации. Согласно древней легенде, они были обречены вечно нести позор жителей Карий, единственного города Пелопоннеса, который полностью перешел на сторону персов. Отсюда и пошло название подобных женских статуй.

С западной стороны Парфенона, на месте архаического портика, архитектор Мнесикл построил новые Пропилеи (437–432 гг. до н. э.), но украсил их иначе. Задуманные в строгом дорическом стиле, Пропилеи служат фасадом и главным входом великого святилища Акрополя.

Затем, в 424 году, Калликрат завершил сооружение храма Афины-Ники, позднее обнесенного балюстрадой, украшенной статуями Победы. Внутри Акрополя, за Пропилеями, открывается большая площадка, по сторонам которой находятся различные культовые сооружения: на юге — святилище Артемиды Бравронии и Калькотека (прямоугольное здание, служившее арсеналом); на севере — бастион и дом аррефор (девочек, которых селили в Акрополе, чтобы ткать пеплос для Афины). На востоке площадка доходила до опорной стены террасы прежнего храма Афины, где возвышалась колоссальная статуя Афины-Промахос (Афины-Воительницы). Как рассказывает

Павсаний, греческий путешественник и писатель, этот монумент был такой высоты, что моряки, огибая мыс Сунион, с расстояния 50 километров могли различить гребень шлема и наконечник копья богини.

Так выглядел Акрополь в конце античного периода. Некоторые искусствоведы утверждают и сегодня, что на земле нет ансамблей, равных Парфенону. Греческий археолог Манолис Андроникос, тот самый, что обнаружил гробницу Филиппа Македонского, писал, что «три больших сооружения, составляющих Акрополь, — Парфенон, Пропилеи и Эрехтейон — объединяют между собой исполняемые ими функции и смелость принятых архитектурных решений, свидетельствующих о новаторском духе Перикловой демократии». По мнению Андроникоса, знаменитый скульптор Фидий оказал решающее влияние на разработку проекта Парфенона архитекторами Иктином и Калликратом. Впервые в греческой архитектуре храм строился исходя из необходимости обеспечить определенное внутреннее пространство, которое и определяло его внешнюю форму. Дело в том, что такое условие поставил Фидий, желавший во всем блеске показать свою статую Афины из золота и слоновой кости.

Необычайны пропорции ансамбля, изгибы горизонтальных линий и наклоны вертикальных. Поэтому стилобат (основание храма) здесь не плоская поверхность, как того требовала бы статика здания: в середине каждой его длины и ширины есть вогнутость. Стены и колонны не отвесны, а слегка наклонены вовнутрь: на семь сантиметров колонны периметра и на десять сантиметров угловые колонны. Если внутренняя поверхность стен вертикальна, то внешняя наклонена вовнутрь. Таким образом объем храма вписывается в пирамиду, а не в параллелепипед. Как отмечает Андроникос, реализация этих архитектурных тонкостей — «невероятное чудо». Достаточно представить себе, что каждый камень не прямоугольный, а трапецеидальный и имеет свою особую форму, определяемую местом, для которого он предназначался.

Это несравненное архитектурное творение Фидий дополнил высеченными в камне украшениями. Некоторые из них сохранились и до сих пор, являясь свидетельствами его творческого гения. Скульптуры фронтона Фидий выполнил сам с помощью ближайших учеников Алкамена и Агоракрита. В них запечатлены рождение Афины и спор Афины и Посейдона (бога моря) за владение Аттикой. Снаружи храма, по его периметру изображены борьба богов и титанов (восточный

фриз), битва афинских героев с амазонками (западный), падение Трои (северный) и схватка греков с кентаврами и аттические мифы (южный).

Но наиболее впечатляющее украшение было внутри храма: стены целлы декорировал барельефный фриз, где изображены Панафинеи. Эти большие религиозные празднества ежегодно отмечались 24-го, 26-го и 28 дня месяца гекатомбеона (июль — август), а более торжественно — каждые четыре года, в третий год Олимпиады, и назывались тогда Великими Панафинеями (с 21-го по 29 день). Учрежденные, согласно традиции, Эрехтеем, они были превращены Тесеем в празднества всей Аттики. Впоследствии Писистрат и Перикл придали им еще бóльшую торжественность. Суть церемонии состояла в том, что в последний день статуе Афины-Паллады преподносился новый пеплос, приготовленный ее жрицами. Процессия начиналась в Керамике и входила на Акрополь, останавливаясь у всех священных мест Афин. До этой церемонии, которая заключала празднества, проходили музыкальные, гимнастические, конные состязания и другие игры. Победители получали в дар масло, разлитое в панафинеийские амфоры, которые представляли собой шедевры аттической керамики. В ночь перед процессией проводился бег с факелами; на следующий день была регата.

Изображая внутри Парфенона Панафинеи, Фидий хотел прославить афинскую демократию, достигшую в ту пору своего апогея, и обессмертить своих сограждан. Друг Перикла и Анаксагора, величайший скульптор античности намеревался запечатлеть рядом с древними аттическими легендами новые деяния демократии, а поскольку для этого нужно было пространство, которого не могли дать метопы и фронтоны, Фидий задумал непрерывный фриз. Со свойственной гениям смелостью он опоясал стены храма полосой длиной 160 метров и высотой 1,6 метра.

Пять столетий спустя, описывая славу Афин времен Перикла, Плутарх отмечал: «Тем более удивления... заслуживают творения Перикла, что они созданы в короткое время, но для долговременного существования. По красоте своей они с самого начала были старинными, а по блестящей сохранности они доныне свежи, как будто недавно окончены. Они так блещут новизной, будто проникнуты дыханием вечной юности и имеют нестареющую душу!»

Акрополь был прекрасен. Но таким мы его уже никогда не увидим. Многие поколения просвещенных и безграмотных, фанатичных и равнодушных, воинственных и миролюбивых варваров разрушали великое творение Фидия. После того как в IV веке н. э. христианство стало

государственной религией Римской империи, памятники Акрополя утратили свое культовое значение, но еще долгое время они хорошо сохранялись. Римляне и византийцы вывозили из Афин статуи, город был даже разграблен готами Алариха, но никто не касался храмов.

Древняя столица Аттики испытала первый удар в начале VI века н. э. Из Парфенона решили сделать христианский храм, и для постройки абсиды серьезно испортили восточный фасад, а в боковых стенах проббили окна. В Эрехтейоне выпотрошили все «внутренности», чтобы превратить его в церковь.

Вред, нанесенный этими перестройками, был велик сам по себе, но затем последовали еще бóльшие беды: многие скульптуры были изуродованы в неукротимом порыве религиозного иконоборчества. Потом в течение почти тысячи лет на храмы больше не покушались. В Греции сменяли друг друга византийцы и франки, каталонцы и наваррцы, флорентинцы и венецианцы, но здания чудом сохранялись. Их пощадило даже оттоманское нашествие в XV веке, хотя турки превратили Парфенон в мечеть, надстроив сверху минарет, а Эрехтейон приспособили под сераль и гарем военного губернатора.

В XVII веке появились первые серьезные разрушения, это произошло потому, что

неприступная скала была центром обороны города. В Пинакотеке, расположенной рядом с Пропилеями, был устроен пороховой погреб. В 1654 году в него попала молния и произошел взрыв. В 1686 году турки снесли маленький храм Афины-Ники, чтобы расчистить бастион и установить на нем пушки. 26 сентября следующего года настала очередь Парфенона. Венецианцы под командованием Франческо Моросини осадили Акрополь, где укрылись турки. Обстреливая крепость, венецианцы попали прямо в Парфенон, превращенный после разрушения Пропилеев в пороховой склад, и взрыв разнес все здание. Крыша взлетела на воздух; большая брешь была пробита в длинных боковых колоннадах, и погибла бóльшая часть скульптур. Взрыв серьезно повредил и Эрехтейон.

Не удовлетворившись этим «подвигом», Моросини пустился и на другие крайности. Когда турецкий гарнизон сдался и венецианцы овладели Акрополем, он решил отвезти на родину в качестве трофея несколько уцелевших скульптур западного фронтона. Однако когда его саперы грузили огромные глыбы мрамора, канаты оборвались и скульптуры разбились на куски. На следующий год венецианцы отступили из Афин и оставили Акрополь в развалинах.

Турки собрали обломки храмов и скульптур и пустили их на известь. В XVIII веке только в Афинах по меньшей мере три памятника попали в печи: древний мост на реке Илосс, акведук Адриана и ионический храм. Затем истребление древностей охватило всю Грецию. За короткое время сократилось число сохранившихся колонн на Сунионе и в Коринфе, в Олимпии исчезли последние остатки храма Зевса. Путешественники, побывавшие в Афинах в начале XX века, описывали Акрополь как груды развалин.

В конце XIX века в Европе возник интерес к классической археологии. С одной стороны, страсть, которую внушали греческие и римские древности, более тысячи лет пребывавшие в запустении, помогла сберечь большое число материальных остатков античного мира, а с другой — она принесла знаменитым афинским ценностям ужасающие потери. В 1802 году многие скульптуры Акрополя, в том числе одна из знаменитых кариатид Эрехтейона, были вывезены в Лондон Томасом Брюсом, графом Элджином и Канкардином, чрезвычайным и полномочным британским послом при Блистательной Порте Селима III, султана Турции. Этот дипломат, охваченный неукротимой страстью к коллекционированию ценных произведений из мрамора, был не первым среди грабителей

монументального наследия античной Греции. Очень многие путешественники из Западной Европы направлялись в Грецию, вдохновляемые интересом к классическому искусству. Эти путешественники изъявляли готовность хорошо платить за образцы оригинальной скульптуры, и турки не могли противиться искушению. Они с радостью давали себя «совратить» и позволяли вывозить фрагменты скульптур, делая вид, что борются с незаконными действиями иностранцев.

Драгоценная добыча приносила лорду Элджину только несчастья. Она не только довела его до нищеты, но и восстановила против него многих деятелей того времени, в частности Байрона. Три года лорд провел в тюрьме, куда его отправил Наполеон, желавший завладеть коллекцией предметов из мрамора, чтобы передать ее Лувру. И когда в 1816 году сокровища лорда Элджина по настоянию парламента были приобретены государством, ему не заплатили и половины истраченных на них денег.

Зевс Олимпийский

В Элиде, на Пелопоннесе, в храме, прославленном на всю Элладу, находилось самое известное в древности место поклонения Зевсу. У слияния двух рек, Алфея и Кладея, между холмами, покрытыми лесом, в священной роще стояли многочисленные храмы и здания, предназначенные для жрецов, упражнений атлетов и хранения ценных подарков. Каждые четыре года там проводились игры, которые были посвящены Зевсу.

Главное святилище Зевса неслучайно было именно в Олимпии. Каждый житель тех мест помнил, что именно здесь Зевс победил своего отца Крона, который в страхе, что сыновья отнимут у него власть, стал их проглатывать. Жене Крона, Рее, надоело рожать и быть бездетной — вот она и подсунула мужу вместо последнего младенца, Зевса, крупный камень, завернутый в пеленки, а ребенка спрятала. Когда Зевс подрос, он победил отца, вызволил всех своих братьев и сестёр: Аида, Посейдона, Геру, Деметру и Гестию.

Олимпия была не городом, а сосредоточением храмов, в которых жрецы совершали предписанные обряды. Оживала она только раз в четыре года на несколько дней, пока шли игры. Эти игры, названные олимпийскими, были учреждены одним

из сыновей Зевса — Гераклом — в честь своего отца и начинались с жертвоприношений Зевсу. Они происходили во второе или третье полнолуние после летнего солнцестояния, то есть во второй половине августа или в начале сентября. На это время во всей Греции прекращались раздоры и даже войны, провозглашался «мир божий», чтобы лязг оружия не омрачал общей радости. В долину Алфея отовсюду собирался народ. Пастухи из Аркадии и Мессении пригоняли стада коров, коз и овец для жертвоприношений. Атлеты приезжали со своими учителями гимнастики, чтобы померяться силами. Богатеи следовали в повозках за своими лошадьми, которые будут участвовать в скачках. Торжественные процессии везли богатые дары греческих городов для храма Зевса.

Игры продолжались несколько дней. Наградой победителю служил оливковый венец, дар символический, но бесценный в глазах тысяч юношей, которые стремились в Олимпию в надежде на победу.

В олимпийском храме стояла статуя Зевса работы афинского мастера Фидия — одно из семи чудес света. Фидий был знаменит не только статуей Зевса Олимпийского, но и статуей Афины в Парфеноне и рельефами на стенах этого храма. Вместе с Периклом Фидий разработал план перестройки и украшения Афин, что, правда,

дорого обошлось Фидию: враги его могущественного друга и покровителя стали врагами скульптора. Мечь их была банальной и грязной, но обыватели жаждали скандала: Фидий был обвинен в том, что утаивал золото и слоновую кость при сооружении статуи Афины в Парфеноне. Однако слава скульптора оказалась сильнее злопыхателей. Жители Элиды внесли залог за заключенного, и афиняне сочли этот предлог достаточным, чтобы отпустить Фидия работать в Олимпию. Несколько лет Фидий оставался в Олимпии, сооружая статую, известную нам, к сожалению, только по описаниям и изображениям на монетах. Статуя Зевса Олимпийского или его голова изображались на монетах, которые чеканились в Элиде. Относительно времени создания статуи ясности не было уже в античности, но поскольку строительство храма было завершено около 456 года до н. э., поэтому вероятнее всего статуя была поставлена не позднее 450 года до н. э.

Хрисозлефантинная (сделанная из золота и слоновой кости) статуя Зевса в Олимпии считалась в древности шедевром Фидия. Древние авторы писали, что благодаря непревзойденной красоте творения Фидия возвысилась сама религия, что всякий, кому довелось увидеть эту статую, забывает все свои печали и невзгоды.

Подробное описание статуи имеется у Павсания. Статуя Зевса находилась в храме, длина которого достигала 64 метра, ширина — 28, а высота внутреннего помещения была около 20 метров. Зевс был изображен сидящим. Его рост в восемь раз превосходил рост человека. На ладони его правой руки стояла богиня Ника, а в левой он держал скипетр, на вершине которого сидел орел. Переброшенный сзади через плечо складчатый плащ из чистого золота украшали изображения животных и цветов. Он прикрывал бедра и ноги Зевса до ступней, открывая грудь из слоновой кости. Ноги в золотых сандалиях опирались на подножие, поддерживаемое львами. Кудри, перехваченные золотым оливковым венком, ниспадали по обе стороны лица, полного величия, красоты и покоя. Сидящая фигура едва не касалась потолка головой, а плечи занимали всю ширину нефа, так что возникало впечатление, что если Зевс встанет, то снесет с храма крышу.

Трон бога был богато украшен золотом, слоновой костью и драгоценными камнями. На нем Фидий воспроизвел немало сюжетов эллинской мифологии и фигуры вполне реальных людей, в частности своего любимца мальчика Пантарка, ставшего победителем на 86-х Олимпийских играх в борьбе среди самых младших мальчиков. В верхней части трона над головой статуи

помещались с одной стороны фигуры трех Харит, а с другой — богинь трех времен года Ор; на ножках трона были изображены танцующие Ники. На перекладинах между ножками трона стояли статуи, представлявшие олимпийские состязания и битву греков, возглавляемых Гераклом и Тесеем, с амазонками. Боковые стенки трона были расписаны художником Панэном, родственником и помощником Фидия. Выполненный из черного камня пьедестал трона украшали золотые рельефы, на которых были изображены боги, например Эрот, который встречает выходящую из морских волн Афродиту, и увенчивающая ее венком Пейто (богиня убеждения).

Зевс был столь величественным, что, Фидий, когда завершил свой труд, подошел к статуе, как бы плывущей над черным мраморным полом храма, и спросил: «Ты доволен, Зевс?» В ответ раздался удар грома, и пол у ног статуи треснул: Зевс был доволен.

Произведение Фидия стало для всех авторов древности эталоном, поэтому тысячи статуй Зевса (а позже римских императоров) старались сделать похожими на него.

Византийские императоры перевезли со всеми предосторожностями статую в Константинополь — на первых порах они позволяли себе ценить высокое искусство. И даже христианские фанатики,

враги языческой красоты, не посмели разрушить статую. Но, к глубокому удовлетворению христианских проповедников, бог наказал своего языческого соперника, наказав тем самым сошедших с праведного пути императоров. В V веке нашей эры дворец императора Феодосия II сгорел. Деревянный в своей основе колосс стал добычей огня: лишь несколько обугленных костяных пластинок да блесок расплавленного золота осталось от творения Фидия. Так погибло это чудо света...

Рассказы о статуе Зевса были столь восторженны, что в ее существование в последующие годы верили немногие. Для того чтобы убедиться, что статуя существовала и была именно такой, как описывали современники, следовало отыскать хотя бы косвенные свидетельства ее существования. Сооружение такой статуи требовало нескольких лет работы, кроме того Фидию и его многочисленным помощникам необходимо было большое помещение...

Попытку найти мастерскую Фидия предприняли немецкие археологи, проводившие раскопки в Олимпии. Они обратили внимание на остатки античного здания, перестроенного в византийскую христианскую церковь. Обследовав здание, ученые убедились в том, что именно здесь располагалась мастерская. Это было большое